

ЕВГЕНИЙ ЕРОФЕЕВ

НЕ БУДИ ЛИХО...

Евгений Ерофеев

Не буди лихо...

«Издательские решения»

Ерофеев Е.

Не буди лихо... / Е. Ерофеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832140-5

Что делать, если из-за простой ошибки строителей пробудилось древнее зло? Можно ли спастись от целой стаи кровожадных упырей, алчущих свежей крови? Кто может спасти деревню от набега орды нежити? Волею судеб ответы на эти и многие другие непростые вопросы придется искать героям этой книги, нашим современникам и обитателям совсем другой эпохи, следы которой можно найти лишь в истлевших летописях. Смогут ли герои пережить самую страшную ночь в своей жизни?

ISBN 978-5-44-832140-5

© Ерофеев Е.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

57

Не буди лихо...

Евгений Ерофеев

© Евгений Ерофеев, 2018

ISBN 978-5-4483-2140-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1157 год, непроходимые болота в районе Ладожского озера

Единственная дорога, ведущая на юго-восток, размокла до основания. Тяжелые, откормленные кони вязли в грязи, фыркали, раздраженно выдувая пар из широких ноздрей, но ничего не могли поделать. Дождь шел, не прекращаясь, уже две недели, никто из отряда уже не помнил, когда он начался. Огромные капли, летящие с неба, звонко разбивались о шлемы и кольчуги, дробились на сотню себе подобных и только потом медленно ползли вниз. Тьма окружала людей со всех сторон, и лишь немногочисленные факелы худо-бедно освещали путь. Идущие в середине отряда нервно крутили головами, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в крошечной темноте, но занятие это было гиблое.

С болот, обступающих узкую тропу, несло гнилью и смрадом. Шли двойками, по-другому было никак, периодически то одна, то другая лошадь вставала на дыбы.

– Вымесок Гюрьги, остолбень, – смачно сплюнул глава отряда, обращаясь к своему напарнику, – поди ж ты, завел нас в дремучий лес, сам в горнице на перинах почивает в тереме у себя, а мы тут сгинем скоро. Места тут нехорошие. Да, Никита?

– Не колготись, надежа-воин, – неодобрительно посмотрел на него огромный бородач, вооруженный топором, – раз князь с Долгоруким ватажится, значит, нас тоже живот знатный ждет. Выдюжить немного осталось, седмицу али две.

– И на кой ему депеша эта? Почто таким путем? – все не успокаивался воевода. – Шли бы сейчас ровной дорогой через земли киевские и горя бы не знали. Такие кренделя выписываем!

– Не прав ты, Варун. Места паскудные, спору нет. Зато короче во сто крат. Да и ворогов тут нетути, сам же знаешь. По таким пущам ни добрый, ни лихой люд не ходит. Зверье только всякое, да нам не страшное...

– На послании три креста выдруковано, значит, время не терпит. Уж не войной ли кто на Юрку попер? Заговор тайный зреет? – все не унимался глава отряда.

Никита обернулся, словно проверяя, не услышал ли кто последних слов Варуна, нервно почесал бороду и, нагнувшись в сторону своего друга, жарко зашептал:

– Нам знать не надобно. Витязям завсегда работка найдется. Коли в срок доставим, то и вообще гора с плеч. Наше дело маленькое, знай себе палицей махай да мечом добрым руби.

– Знаешь еще что? – испуганно спросил Варун, поправляя щит на левой руке.

– Ась?

– Мы надясь, когда в последней деревушке столовались, калику перехожего у конюшен видели, разговор был. Молвил он, будто бы зря тут никто не ходит, уж давно бы дорогу построили, да все никак. Покамись никто не ведает, а почему? Все, кто зело разумел в этом деле, в земле уже покоятся... А порой и на свет божий вылазят в ночи...

– Страхи-то какие, окстись, – перекрестился бородастый богатырь, выпучив глаза, – ты чего в ночи-то ужас нагоняешь?

– О том и речь, друг мой ратный, не к добру это. Сказал он, мол, раньше тут деревень было видимо-невидимо. Потом все в болотах исчезло, аки бес языком слизнул. И сия напасть была

неоднократно, покуда не задолбаша всех... Мы по костям, считай, идем... Кресты на воротах видел? Почто они их там повесили? Неспроста...

– Типун тебе на язык!

– А ну как Кощеево царство тут? Нежить тут гнездо свила, вот и нетути никого...

– Бабы сказки, – ответил Никита, но выражение его лица уже не было столь уверенным.

– Сказы да легенды так просто не рождаются, – многозначительно поставил точку в разговоре Варун.

Дальше ехали в молчании. Прошло полчаса, а может и больше. Никита постоянно тоскливо озирался по сторонам, изредка поглядывая назад на отряд. Он уже совсем было успокоился, как вдруг факел, еле горящий под проливным дождем, высветил впереди темную фигуру.

– К оружию, – взревел бородач, выхватывая топор.

Вопль вывел всех из сонного оцепенения. Испуганно заржали лошади, забряцали мечи. Темная фигура продолжала неподвижно стоять. Теперь дружина походила на гигантскую черепаху – воины прикрывались щитами, оцетинившись во все стороны копьями. Все ожидали, что вот-вот из леса полетят первые шальные стрелы и начнется мясорубка. Но ничего не происходило. Человек, стоящий на дороге, успокаивающе поднял вверх руки. Они подъехали практически вплотную, остановившись всего в паре метров от незнакомца. Тот первый начал говорить. Голос у него был глубокий, низкий, словно говоривший вещал из глубокого колодца. Никита так и не смог рассмотреть лица под черным капюшоном.

– Гой еси, добрые люди! – вполне миролюбиво начал незнакомец, – галдите вы так, что за версту слышно. Вдруг какой лиходей услышит? Худое может затеять. Темный бор шума не любит, особливо такой, как тут...

– Ты кто таков? – сурово спросил Варун, задремавший в седле и до одури напугавшийся.

– Я? Никто, и звать меня никак. Мытарь я местный, мзду собираю.

– Чего баешь, холоп? – повысил голос Никита, даже привстав на стременах. – Какой еще мытарь? Мы деревню седмицу назад проезжали.

– И что? Деревня деревней, а я сам по себе, – в голосе пришельца прорезались насмешливые нотки, – я ж вам говорю, местный я лихоимец. Тут тоже есть у кого оброк востребовать. Мертвые к мертвым, живые к живым. А коли не уследишь, беда может приключиться... – уже совсем тихо добавил он.

– Чего? – не услышал последнюю фразу Варун.

– Говорю, зря вы тут пошли. Местные уж очень иноземцев не любят. Хотя, это как посмотреть...

– Уйди с дороги, шлында. Зря ты тут околачиваешься, пропадешь, как пить дать, – воевода сердито кинул меч в ножны.

– Как скажешь, богатырь, – изобразил учтивый поклон загадочный странник, – скажу вам только одно. Страшиться тех, кто бродит под покровом вечной ночи, други мои. Серебро да кресты вам в помощь.

Не успели они и глазом моргнуть, как зловещий странник исчез во тьме так же внезапно, как и появился. Варун с Никитой испуганно переглянулись, бородач крикнул через плечо:

– Глаз не смыкать, начеку! Ждите засады, молодцы.

* * *

– Ну и как вы все наверняка знаете, Юрий Долгорукий так и не дождался важного послания от своего союзника, князя Святослава Олеговича, в котором говорилось о заговоре среди киевских бояр. В общем, отравили его, по одной из самых популярных версий, – коротко резюмировал Дмитрий Александрович Покахонтов, доцент кафедры истории славянских стран.

Вот уже второй год подряд в стенах своей альма-матер, родного истфака СПбГУ, целый семестр он вел у первокурсников курс лекций на свою любимую тему – «Демонология. Источники и архивы». Маленького роста, интеллигентный и тихий, немного картавящий и путающий слова, он, как никто другой, смог завоевать доверие молодой аудитории. На лекции его старались попасть студенты даже с других потоков, не посещали пары только самые ленивцы. Покахонтов был преподавателем не требовательным, поэтому зачеты проставлял всем просто так, не обращая внимание на посещаемость и знание предмета.

– Вы наверняка спросите, чего ты нам тут рассказываешь про Долгорукого банальности, – он поправил съехавшие на нос круглые очки, – и правильно сделаете. Дело тут в другом. Князь Святослав прознал о готовившемся заговоре киевлян против своего союзника раньше, когда Юрий был в Москве. Из имеющихся архивных документов Российской Национальной Библиотеки, властитель Новгород-Северского княжества тут же снарядил тайную экспедицию в гости к своему другу с целью передать письмо. В нем он рассказывал о возможном покушении. И вот тут начинается самое интересное.

Он довольно обвел взглядом всю аудиторию. Тишина стояла такая, что слышны были чьи-то гулкие шаги в коридоре.

– По одним данным, отряд был пойман в киевских землях и все были убиты, а послание перехвачено и уничтожено. Но есть и другая версия. Источник ненадежен, но весьма и весьма занимателен. Его автор – некто Варун, современник Юрия Долгорукого. Многие историки весьма скептически относятся к его трудам, многие считают вообще более поздней подделкой, что и говорить, – Дмитрий Александрович встал и подошел к окну, собираясь с мыслями. – Вообще, сам автор пишет, что до того, как избрать стезю историка и летописца, так сказать, он был как раз тем самым воеводой, что должен был доставить в Москву депешу. Именно поэтому его сведения чрезвычайно ценны и не имеют аналогов в данном конкретном случае.

Он вернулся обратно к столу и сел, улыбнувшись, словно предвкушая что-то:

– Воевода пишет, что о возможном нападении киевлян они знали, поэтому пошли напрямик, через непроходимые болота.

– И что это за места? – не выдержал медленного темпа повествования один из студентов, нервно заерзав на стуле.

– Вы знаете, точно неизвестно, но скорее всего это могло быть где-то рядом с нами, – потер подбородок Покахонтов, – лично я подозреваю, что они шли через нынешнюю Ленобласть, где-то в районе Ладожского озера, чуть левее, если смотреть на карту.

– У меня там дача, – снова подал голос тот же нетерпеливый студент, – Кукуево, знаете?

– У моего друга там тоже дом, я там бывал, – улыбнулся Дмитрий Александрович, – но не о том речь. Я как раз подвожу нас к основной теме. Они пытались пойти в обход, избегая ненужного внимания. Доподлинно известно, что эта территория была не особо густо заселена в то время, это можно исторически подтвердить. То есть никаких сел, деревень и постоянных дворов. А уж тем более дач.

Все засмеялись, а преподаватель продолжил:

– Варун описывает их последнее пристанище, деревню на берегу скорее всего Ладожского озера. Отличительная особенность – отличная обороноспособность поселения. Он описывает огромный ров, высокий частокол, постоянную стражу на стенах, сигнальные посты. Перебор для деревеньки, не правда ли? Особенно если учесть ее удаленность от всех потенциальных врагов и основных торговых путей. Что должно заинтриговать еще больше, так это серебряные огромные кресты на воротах в деревню и на стенах. Что это? Дань христианству? Даже в огромных по тем меркам городах не было подобных излишеств, что и говорить про маленькие населенные пункты. Серебро это ведь вам не дерево... Теперь понимаете, о чем речь? В других документах нет даже упоминания об этом поселении. Либо ее сожгли дотла, либо еще что... Кто знает...

Аудитория тревожно зашумела, все кинулись делиться друг с другом впечатлениями. Покахонтов терпеливо дождался, пока страсти немного улягутся, и снова заговорил:

– Около двух недель они прорывались по болотам в сторону Москвы. И тут случилось самое интересное. В непроходимых лесах глубокой ночью небольшой отряд повстречал незнакомца. Вы можете себе только представить нечто подобное? Как человек мог в одиночку и без запасов выжить в лесах в сотнях километров от жилья? Я не говорю про банальные опасности в виде диких животных – волков и медведей. Варун пишет, что тот был налегке, одет в черный балахон, никаких пожитков, даже коня не было. Где он находил пищу и воду? Где спал? Загадка. То есть, что мы имеем? Уже два тревожных звоночка – обереги в виде крестов и непонятный человек в черном посреди ночи на болотах.

Доцент исторической кафедры сделал паузу, откашлялся и глотнул воды из маленькой бутылочки на столе:

– Вначале ночного гостя чуть не зарубили, приняв за разбойника. Однако в ходе разговора выяснилось, что он местный мытарь. Ну-ка, кто блеснет эрудицией и подскажет мне, что это за зверь такой?

Руку подняла застенчивая студентка, сидящая практически на галерке, в самом последнем ряду.

– Да, да? Давайте вот вы, девушка.

– Ну, в общем, – робко начала она, все больше и больше смущаясь, – это что-то типа сборщика налогов и податей.

– Все верно, в яблочко, – удовлетворенно кивнул головой Покахонтов, щелкнув пальцами, – он же «лихоимец», то есть налоговая по-нашему.

Все снова заулыбались.

– Поначалу воевода подумал, что это заплутавший деревенский, однако незнакомец представился местным. Разговор снова зашел в неприятное русло, витязи подумали, что над ними издеваются, и почти завязалась драка, как вдруг товарищ исчез в ночи, взмахнув плащом. Напоследок он все же предостерег отряд. Эти слова Варун четко воспроизводит в своей летописи. «Страшиться тех, кто бродит под покровом вечной ночи». Это очень примечательные слова, обратите внимание. Сейчас посмотрим веселые картинки.

Доцент встал, включил большой телевизор, стоящий в углу у входа, воткнул в него флешку и погасил свет. Взяв пульт, он сел на свое место и нажал на кнопку воспроизведения. На экране появилось изображение арбалета.

– Как видите, это так называемый самострел. Его нашли в Чехии, на раскопках, четыре года назад. Видите надпись на древне-славянском на ложе? Кто догадается, что тут написано?

– То же, что и сказал этот мужик? – рискнул кто-то в темноте.

– Верно, – согласился Покахонтов, – «страшиться тех, кто бродит под покровом вечной ночи». находка эта датирована более поздним временем, примерно 15 век, и подлинность не вызывает сомнения. В тайнике была найдена также дюжина стрел из серебра. На территории современной Польши еще в перестройку нашли меч с такой же гравировкой. Вот он, видите, какой красивый? Отгадайте, из чего он был сделан. Вы понимаете, насколько непрактично и глупо использовать серебро в качестве материала для холодного оружия? Там же нашли весьма странное захоронение. Несколько могил в лесу, вдалеке от поселения. Головы у трупов были отрезаны и лежали в ногах...

– Вампиры? – хмыкнул один студентов.

– Вот и первые догадки, – учитель снова включил свет, но не стал садиться, а начал мерить аудиторию шагами, заложив руки за спину.

Через некоторое время он продолжил, пригладив растрепавшиеся волосы назад:

– К сожалению, летопись Варуна не сохранилась до наших дней. Вернее будет сказать, после известного всем вам пожара 1812 года, когда сгорела почти вся Москва, осталось лишь

начало истории, жалкие двадцать страниц огромной книги. Тут у нас назрел первый серьезный вопрос. Что же произошло на самом деле? Банальное убийство почтальонов или что-то более зловещее? В любом случае я бы остановился на определении вампиров. Что это?

– Монстры. Кровососы. Упыри. Вурдалаки, – донеслось несколько вариантов с разных концов класса.

– Вы правы, – Дмитрий Александрович поправил галстук, – но тут у нас есть проблема. Вампиры в том виде, в котором они предстают перед нами с экранов телевизоров и со страниц романов, относятся к более позднему периоду, 17—18 векам. Это, конечно же, 1730 годы, Сербия, Петар Благоевич и Арнольд Паоле. Кто-нибудь слышал об этом?

– Да. Их эксгумировали, подозревая в вампиризме.

– Точно. Более поздняя версия «охоты на ведьм». Каждый второй мужчина представлялся вампиром. Потом начались всевозможные литературные изыски, стихотворения и так далее. Образ вампира, упыря в нашем случае, романтизирован донельзя. Модный парик его напояжен, он носит дорогие вещи, всегда умен и находчив, в общем, мечта любой женщины. Вампиризм относится к единственной побочке, этакому изъяну, но все красотки штабелями укладываются, лишь бы кровопийца обратил на них свой взор.

В аудитории снова раздался смех. Покахонтов достал из чемодана кипу бумаг и начал рыться в них, не останавливая рассказа:

– Мы же с вами говорим о более раннем периоде. Тут даже стоит поменять определение. Нет пока что никаких вампиров, разъезжающих на каретах и устраивающих званые балы. Есть темные дремучие леса и упыри. Вурдалаки. Это все персонажи из славянской низшей мифологии. Ходячие мертвецы, разгуливающие в ночи в поисках людской крови и плоти.

Он продолжил вещать еще более жизнерадостным скрипучим голосом:

– И пресловутые упыри не имеют ничего общего с графом Дракулой. Это мерзкие, быстрые создания, передвигающиеся с огромной скоростью и обладающие нечеловеческой силой и обонянием. Откуда взялся этот миф? Сказать сложно. Вероятно, людям нужно было объяснение, куда пропадают ночью люди, почему в лес ходить опасно и по ночам лучше спать у себя в кровати, чем шататься по улицам. Средневековый мир был страшным местом и без вурдалаков, что и говорить. Примечательно то, что в славянских землях повсеместно описание упырей практически идентично. Как так вышло? Большой вопрос.

* * *

Полночь давно миновала, многие дремали на ходу, уронив голову на грудь, дежурили лишь часовые, идущие впереди и замыкающие отряд. В целях экономии оставили гореть всего четыре факела, до Москвы было еще недели две быстрым ходом, и запасы нужно было экономить, все равно не видно было ни зги.

Бдительность Никиты и Варуна, головы отряда, притупилась. После встречи с неприятным типом прошло больше двух часов, ничего не произошло, разглядеть хоть что-то в радиусе нескольких метров, кроме очертаний кустов и огромных деревьев, было невозможно, уставшие от постоянного напряжения глаза слипались. И хотя до пересменки было еще прилично времени, Варун беззастенчиво дрых. Он качался в такт медленному шагу лошади, а капли дождя, стучаясь о его шлем, быстро скатывались вниз и текли под кольчугу за шиворот. Чтобы хоть как-то бороться со сном, Никита начал гримасничать и вращать глазами, щипать себя за окладистую бороду. Внезапно где-то справа раздался странный всплеск.

– Рыба играет поди али квакуха какая? – спросил сам себя здоровяк и тут же понял, насколько абсурдно его предположение. Сложно было представить такую рыбу, которая смогла бы выжить в таком месте.

Теперь непонятный шум раздался уже слева, ближе к мирно посапывающему Варуну. Они ехали через болота уже не первый день, но не слышали ничего, кроме шума дождя. Или всему виной незваный гость? Никита понял, что сумасшедший путник вряд ли смог так взволновать его, закаленного в боях воина, что ему теперь везде черти мерещатся. Противный хлопаящий звук донесся уже позади. Никиту замутило, ощущение какой-то вселенской тоски легло ему на плечи, и предчувствие чего-то худого поселилось где-то внутри. Так уже было, когда брали Киев вместе с Долгоруким. Благодаря чуйке Никиты им удалось предотвратить резню в ночном лагере. Тогда-то он и стал десницей Варуна, за проявленную смекалку получив почетное прозвище Хорт¹.

Он понял, что медлить больше нельзя, и принялся будить своего командира. Тот упорно не хотел просыпаться, грозно хмурил брови, надувал щеки, отворачивался.

– А ну-кася подымайся, Варун. Беда неминуемая в ворота уже стучится, кабы поздно не было. Надо покумекать, покудова живы все..

– Чего такое? – спросил Варун, плохо скрывая раздражение, но, едва увидев встревоженное лицо своего помощника, тут же забыл о своих сладких снах.

– Кто-то шастает во тьме во блатах. Токмо кто – неведомо, – Никита показал пальцем вокруг дороги.

– Сейчас не ночь на Купалу, чтоб русалки да кикиморы норы показывали, – Варун отвел факел в сторону и посветил вниз, прямо в мутную зеленую жижу, – да и кто там бродить может? Думаешь, засада?

– Поди знай, воевода. Надо ухо остро держать. Что там, мне неведомо, да токмо все одно, не к добру. Отряд надо бодрим держать, чтоб врасплох не застали.

Вместо ответа Варун, особым образом сложив руки, заухал совой, да так искусно, что отличить от настоящей птицы было невозможно. Обычно дружина шла в бой с грозным кличем, но тут обстоятельства были совсем другие. Миссия, на них возложенная, была тайная, так что нельзя было выдавать себя раньше времени. Условились на такие знаки. Раздалось шевеление, не поворачивая головы, Варун понял, что отряд уже не спит. Вдруг сзади раздался громкий вопль. Воевода понял – началось. На узкой тропе было не развернуться, не перестроиться. Враг заходил с тыла.

– Держи строй, – скомандовал ему Никита, спрыгнув с лошади в грязь и побежав на крики.

Он с трудом протискивался среди коней, пытаясь на ходу достать свой топор. Добежав до конца вереницы, понял, что зря бежал, все спокойно. Нападения не было. Он разозлился:

– Кто орал, шельмы?

– Галаш и Малк пропали, – испуганно ответил замыкающий часовой. Даже разговаривая со своим командиром, он не переставая оглядывался, водил факелом в темноте.

– Окстись, ты что баешь? – не успев удивиться, Никита уже понял, в чем дело – лошади перед часовыми никого не везли, лишь пустые седла.

– Добрые часовые, бдели аки соколы, балябы! – взвился он. – Коней назад, и чтоб мышшь не проскочила!

Он пошел обратно, на ходу раздавая указания и призывы к максимальной бдительности. Весть о пропаже двух бойцов разнеслась в мгновение ока. Люди поняли – началось что-то очень жуткое.

¹ Хорт – волк (древнеславян.)

* * *

– То есть вы хотите сказать, что вампиры изначально это что-то типа диких зверей по представлению славян? – задал Покахонтову вопрос очередной докучливый студент, воспользовавшись короткой паузой в монологе.

– Хороший вопрос, – похвалил того Дмитрий Александрович, – тут налицо дихотомия. Я могу лишь предположить, что вампиры со временем эволюционировали в более совершенную форму. То есть если изначально людей пугали просто монстры в ночи, то позже поэты и писатели наделили их умом и интеллектом, манерами и воспитанием. Вообще, вампиры – это отдельная песня в демонологии, о ней можно говорить бесконечно, и я не преувеличиваю. Почему они возвращаются в свой дом к родным и близким, чтобы съесть их первыми? Почему их надо пригласить? Почему они боятся серебра и распятия? Почему они боятся дневного света? На что способен испуганный человеческий ум, порой только диву даешься!

– А что насчет Варуна и его летописи? Чем все закончилось? – прилетел преподавателю очередной вопрос из аудитории.

– Они потеряли еще несколько человек из своего отряда в ту ночь. Воевода пишет, что в сумерках кто-то из их дружины видел тех двоих, что пропали первыми. Только сильно видоизменившихся. Мол, одни головы белые из трясины торчали и исчезли быстро, как только началась заварушка.

– То есть они стали упырями и пришли за остальными? – испуганно спросила одна студентка, сжимая в руках телефон, забыв напрочь о переписке со своим молодым человеком.

– Да, – со смешком кивнул Покахонтов, – на следующую ночь воевода потерял уже практически всех своих людей. И что еще более примечательно, выжить Варуну удалось только благодаря тому самому загадочному человеку в черном. Отряд подвергся нападению вампиров, депеша вместе со всем остальным «почила в бозе». История мутная, неясная, пахнет подделкой, если честно, притянута за уши. Но как есть. В рамках темы о вампирах я все равно должен был ее осветить, как ни крути.

– Дмитрий Александрович, почему эта история связана именно с этим историческим периодом, как вы считаете? Простое совпадение? – задали очередной вопрос ученому.

– Все не так просто, – пожал плечами тот, – помните, на прошлой лекции мы с вами разбирали особенности появления мифов о всяких страшилах? Как только где-то начинает литься кровь, народ сразу же сходит с ума и с огромной скоростью генерирует байки, одна другой краше. С этой историей то же самое. В ту пору жизнь человеческая не стоила ни копейки, вот люди и придумывали монстров, которые могли бы стать козлами отпущения, виновниками всех бед. Когда чума захватила всю Европу, что случилось? Инквизиция с катушек съехала и в каждой молодой женщине видела ведьму, которая и выпустила «черную смерть». За последние столетия народный фольклор почему-то особо не обогатился новыми персонажами. Почему?

– Потому что в наше время сложно верить во что-то подобное. С нашей техникой, наукой, гаджетами и всем остальным, – уверенно ответил один из студентов, – тяжело сейчас бегать за ведьмами, когда построили Большой адронный коллайдер и в космос летают. Что и говорить про естественные науки и медицину. Хотя даже в наше время бывают интересные случаи. Вы, Дмитрий Александрович, про чумное кладбище слышали?

– Боюсь, что нет, – признался Покахонтов, – то есть про подобные захоронения я, конечно же, слышал. И в чем там дело?

– Эти истории из разряда городских страшилок, – признался парень, – но, думаю, доля правды в них есть. Вы же знаете, что такие захоронения раскрывать нельзя. Иначе чума выберется на свободу и опять начнется. Там так и написано на могильниках – «не вскрывать»

до такого-то года». Или около того. Но наши предприимчивые дельцы эти земли выкупили и планируют возводить новостройки. Мало того, что на кладбище, представьте только, какая там будет энергетика, так еще и выпустят чуму. Такая легенда.

– Занятно, – учитель ухмыльнулся, – такого я не слышал.

* * *

Казалось, эта ночь никогда не кончится. Наступивший серый, хмурый день не многим отличался от темного времени суток, разве что теперь обступающее со всех сторон болото можно было рассмотреть. Дождь перешел в ливень, который и не думал прекращаться, с каждой минутой становился все сильнее и сильнее. Воины уже еле держались в седлах от усталости.

– Ежели не отдохнем тотчас же, эту ночь уже никто не переживет, – заявил Никита с укором воеводе.

Тот не ответил. После таинственного исчезновения двух витязей они за несколько часов потеряли еще шестерых. Отряд заметно поредел. Теперь его замыкал целый табун бесхозных лошадей. И снова – никаких следов. Как будто бы на воинов наслали морок. Никто ничего не видел и не слышал. Только когда исчез последний, Иван, его напарник вроде бы видел какую-то тень на дереве.

– Наверх его затянуло, на ветки, но что там было, то мне неизвестно... Это ж какую силищу надо иметь. По мне, так бесы тут вьются, братья мои, – испуганно поделился он. Крыть было нечем.

– Варун, ты слышишь? – повисил голос Хорт.

– Да, – с совершенно потерянным видом ответил тот, – привал!

Место для отдыха было не самым подходящим. Они спешили и сразу же рухнули на разбитую сырую землю. Кто-то сел прямо так, некоторые подложили щиты, выбирать не приходилось.

Никита сел ближе к илистому берегу и задумчиво уставился вдаль на плакучую иву, стоящую чуть поодаль от остальных деревьев. Ее намокшие густые ветви опускались до самой воды. Взгляд его упал ниже. Внезапно Хорт вздрогнул и вытаращил глаза – сомнений быть не могло. Там, в самой тени ветвей виднелось две головы. Сначала он принял их за кочки, но когда одна из них быстро моргнула, страх сковал дружинника.

– Варун, – тихо позвал он своего собрата по оружию.

Тот дремал поодаль, подложив под голову подсумку с провизией. Ответа не последовало. Тогда Никита позвал еще громче, не изменяя своей позы.

– Чего тебе, непоседа? – сонно ответил воевода, переворачиваясь на другой бок.

– Ступай сюда. Токмо невзначай будто. Спугнешь супостатов, – последовал ответ.

Сон Варуна как ветром сдуло. Он резко дернулся, как ужаленный, затем вспомнил слова своего десницы и уже спокойно встал, потягиваясь. Вразвалочку подойдя к берегу, он сел рядом с Никитой, похлопав того по плечу.

– Смотри. Под ивой затаились. И не боязно им в топи по маковку сидеть, так и утонуть недолго, – сообщил наблюдательный воин.

– Ты смотри, что делается, – ахнул Варун, не сдержавшись.

– Вот и я говорю, не к добру. Что делать думаешь?

– Обожди, брат. Так это же наши, Галаш и Малк! Видишь башку лысую, усатую? Точно, Галаш, говорю тебе. А второй поменьше ростом, и шрам даже отсюда видно. Почему токмо у них морды дюже серые, аки у покойничков?

Никиту аж передернуло. Действительно, это были люди из их отряда. Первые пропавшие. Что они делали там? Почему следили за ними? Неужели предательство?

Словно почувствовав, что их засекли, две головы медленно и зловеще скрылись в покрытой ряской воде.

– Шутки шутить удумали? – взбеленился Варун, выхватывая оружие. – А ну идите сюда, зову вас на честной пир! Только с того хмелю, что я приготовлю, уж не всякий встать сможет!

Но никто так и не показался. Только дождь оставлял свои следы на водной глади, громко шлепая по кувшинкам. Взбесившись, Варун начал со всей силы лупить мечом по мокрой длинной траве. Все проснулись и уставились на своего лидера, не понимая, что происходит.

– Всем в строй! – в бешенстве проорал тот, не переставая бить ни в чем не повинную растительность.

Сумерки опустились так быстро, как это бывает только в лесу. Все страшились предстоящей ночи, но виду не показывали. Зажглись факелы.

– Думаешь, предатели низкие в дружине завелись? Продали нас Галаш с Малком за тридцать сребреников? – тихо спросил Никита, поглядывая в сторону медленно плывущего с топи густого тумана.

– Пес их знает. Уж больно ладно наших молодцев положили. Не может такого быть, чтобы все восемь иудами были, – глава отряда был растерян.

– И то верно, странно. И как они под воду ушли, аки рыбы какие. Что за чертовщина тут творится, Варун? Без колдовства темного тут не обошлось, глаза отвели часовым, помани мое слово! – Хорт зябко поежился. – Не люблю я это дело, зело не люблю...

– Смотри-ка, что такое? – затревожился воевода, заерзав в седле.

Путь их отряду преграждала огромная поваленная сосна, с корнем вырванная из земли, верхний конец ее скрывался в болоте. Толстые, похожие на колья сучья вызывающе торчали во все стороны, не давая возможности лошадям форсировать преграду.

– Растудыть твою налево, – прошипел Варун, – четверых отправляй рубить дерево, остальным начеку быть, засада, как пить дать!

Никита обернулся и зычным басом отрывисто выкрикнул распоряжения. Четверо воинов спешили и нехотя побрели к преграде. Острые мечи вязли в смоле, работа застопорилась. Вдруг мутная жижа у берега заколыхалась и оттуда поползло что-то. В свете факела стало видно, что к ним из болота на карачках вылезал Малк, ушлый маленький силач, превосходно владеющий секирой. Выглядел он так, словно вернулся с того света. Судя по удивленным возгласам «лесорубов», с той стороны преграды тоже что-то происходило.

Наконец, бывший вояка из отряда Варуна полностью выполз из воды и встал перед лошадьми во весь свой невысокий рост. Странная улыбка растянула его бледное, перекошенное лицо. Узко посаженные глаза, излучая какой-то потусторонний, холодный свет, изучающе уставились на главу отряда.

– Вы что учинили, изверги? Куда пропали? Недоброе затеяли? Кому продались, иуды? – командир отряда засыпал предполагаемого перебежчика вопросами.

Тот не ответил, продолжая молча стоять, чуть покачиваясь и пристально рассматривая своего бывшего воеводу. Черные мокрые волосы, больше похожие на водоросли, свисали из-под шлема, закрывая глаза. Вода стекала с одежды и доспехов.

Лошадь главы отряда испуганно заржала и встала на дыбы, сбрасывая своего наездника. Последнее, что Варун заметил перед тем, как отключиться, ударившись затылком о камень, – большая темная тень, прыгнувшая на них сбоку.

Голова раскалывалась от боли. Лежа в темноте, Варун долго не мог понять, где находится. Он вроде бы лежал на чем-то мягком, в тепле и сухости. Наконец, глаза немного попривыкли, он увидел полоску света под дверью. Раздались шаги. В комнату кто-то зашел, освещая себе путь свечой.

– Не спится? – насмешливо спросил витязя знакомый глубокий голос.

От удивления тот вскочил на кровати, тут же пожалев об этом.

– Тихо ты! Головой знатно приложился, даром что жив остался. А ты тут извиваешься, как гадюка, – недовольно сказал вошедший, – на вот, испей-ка.

Он подошел к изголовью кровати, протягивая раненому воину деревянную плоску с темной жидкостью. Воевода испуганно отпрянул, пытаясь учуять, чем его хотят попотчевать.

– Не бойсь ты, аки красная девица. Думаешь, если убить тебя задумал, стал бы тащить к себе? И яд тратить? Эх ты, голова садовая!

Благодаря свечке Варун смог рассмотреть своего спасителя. Это был стареющий лысый мужчина с выдающимся подбородком и хитрыми черными глазами. Одетый во все черное, он походил на какого-то монаха-отшельника.

– Что приключилось? – простонал воин. – Где все наши?

– В болоте ваши спят вечным сном. Или уже рыскают окрест, тебя пытаются учуять. Да только не выйдут.

– Кто всех убил? – поило действовало умиротворяюще, разговаривать было совсем лень, головокружение прошло, веки налились свинцовой тяжестью.

– Поспи пока, утро вечера мудренее. Завтра потолкуем как следует. Ничего не бойсь.

В самом глубоком месте болота, словно избушка Бабы-яги из сказок, на четырех массивных деревянных столбах стоял незаметный маленький домик серого цвета. Рядом чуть покачивалась привязанная толстой бечевкой утлая серая лодка. Быстрые тени, снующие по болотам в тот час, бесшумно прыгающие с ветки на ветки, ныряющие в воду, бегающие в тени деревьев, не раз оказывались рядом. Но словно заговоренные смотрели сквозь жилище «Мытаря». Ближе к рассвету все они исчезли, будто никого и не было.

* * *

Поселок Кукуево, расположенный в сорока километрах от города, многие называли «петербургской рублевкой». При наступлении миллениума старые ветхие домики, наследие советской эпохи, быстро исчезали с помощью суетливых строителей и грохочущей техники, а на их месте как грибы вырастали массивные особняки, которые будто соревновались друг с другом в масштабе. Все больше людей стремилось перебраться из суеты большого города в собственное жилье на лоне природы. Невысокие деревянные заборчики сменились настоящими крепостными стенами с видеонаблюдением по периметру, и казалось, что эпоха безвозвратно ушла, исчезла в златолюбии новых поселенцев. Однако, кое-где «памятники истории» все же выжили вопреки всему, не все старики еще распродали свое имущество, отчаянно цепляясь за воспоминания о былом. То тут, то там мелькали покосившиеся маленькие домики с трогательными застекленными верандами. Летними нежными вечерами сквозь неплотный тюль еще можно было разглядеть семейные чаепития. В испепеляющий июльский полдень, под солнцем, стоящим в зените, на огородах вялыми пыльными черепахами вовсю ползали кверху задом пенсионеры. Приехавшие на каникулы дети оживляли громкими играми тенистые улицы, а их прибывшие из города на выходные родители заставляли неширокие улицы машинами. Гармония сохранялась вплоть до осени, короткое питерское лето уходило, не попрощавшись, за горизонт, и на смену ему приходила угрюмая осень с серыми хмурыми днями, наполненными невыразимой тоской и моросью. Самые отчаянные дачники пытались ухватиться за последние прозрачные сентябрьские деньки, изо всех сил топили печь, пытаясь прогреть насквозь сырые комнаты с отклеивающимися обоями, но быстро сдавались, уезжая на зимовки в город. И тогда покинутые утлые жилища смотрелись совсем жалко, пустыми темными окнами завистливо наблюдая за тем, как кипит жизнь в соседских новостроях. Поселок наполовину пустел, оставались только его постоянные обитатели.

Строители совершенно не укладывались в срок – до зимы было обещано снести старый дом, построить новый забор и заложить фундамент нового особняка. Заканчивался сентябрь,

а из всего перечисленного не было сделано ровным счетом ничего. Только строительный контейнер привезли – и все. Хозяин участка был человеком деловым и серьезным, не привыкшим к недобросовестной работе. Раздав соответствующие указания, он отбыл на несколько недель в Женеву, пообещав вернуться с ревизией в октябре. Участок он отхватил шикарнейший – находившийся в самом конце улицы Дорожной, одной стороной он практически стоял в лесу. Дальше начиналась заповедная зона, вырубка деревьев была строжайше запрещена. А это значило, что никаких соседей, шума и людей. Мечта интроверта, одним словом. Да и проектик был заглядение, коттедж в шведском стиле, с огромными, на всю стену, панорамными окнами на лес. Только в одном бизнесмен сильно ошибся, доверив работу по поиску строителей Интернету.

Самая большая статья расходов в строительной фирме «ЭлитЛесСтрой» приходилась на рекламу и продвижение. В кризис компания, судорожно дергаясь в предсмертной агонии на грани банкротства, вливала последние рубли в контекстную рекламу на тематических сайтах и форумах. Никто бы не подумал, что за красивым фасадом «ЭлитЛесСтроя» скрывается погрязшая в долгах шарашка с одним запойным архитектором, несколькими строителями с тремя классами образования и секретаршей, совмещающей учебу и работу. Зато компания могла похвастаться своим исполнительным директором, Аксеновым Павлом Олеговичем, пронырливым делугой и аферистом. Он, как никто другой, мог пустить пыль в глаза самым чутким и подозрительным заказчиком. Получив заявку на постройку данного объекта, он первым делом влез в долги, взял в аренду «мерседес» последнего поколения, а на оставшиеся деньги купил себе новое пальто и подделку дорогих часов. Задействовав все свои актерские навыки и обаяние, он встретился с потенциальным заказчиком, изобразив из себя преуспевающего владельца строительной корпорации. Павел Олегович посетовал на совершенно забитый график и попросил пару недель отсрочки, чтобы «сделать все по-красоте». Две недели он бегал по городу, как сумасшедший, пытаясь найти на подряд работяг. Похмельный архитектор Аксенова, до этого проектировавший исключительно деревянные халупы, больше похожие на сауны, начал старательно изучать с помощью интернет-поисковиков, что это за зверь такой – «шведский коттедж». К концу первой недели он уже смог хотя бы примерно представить, что от него хотят. Закипела работа. Но накануне встречи с клиентом архитектор вдруг снова нырнул в многодневный запой. Но не так просто было вывести из строя ушлого Павла Олеговича. Перед встречей с клиентом он напечатал шесть самых красивых фотографий, которые смог найти в Сети по запросу «шведские загородные дома». Обставил он это с помпой, между делом заявив, что данные изображения ему выслали их северные партнеры эксклюзивно, под грифом совершенной секретности. Крючок с наживкой был полностью заглочен, а возбужденный Аксенов через несколько дней уже искал типовой договор о подряде. Сделка была заключена.

Именно поэтому сейчас горе-предприниматель места себе не находил от волнения, оставалась какая-то неделя, а у них конь не валялся. Двое флегматичных работников большую часть времени резались в карты, протапливая бытовку, слушая бесконечные угрозы Павла Олеговича о штрафах и лишениях вполуха, впрочем, так же, как и его душевные просьбы и мольбы. После разговоров с начальством работники, как правило, брались за инструмент, полчаса создавали имитацию деятельности, но потом все возвращалось на круги своя. Именно по этой причине генеральный директор ООО «ЭлитЛесСтроя», переодевшись в спортивный костюм и старую кожаную куртку, ехал в пятницу вечером на своей потрепанной «Лачетти» не пропустить пивка с друзьями, а на строящийся объект. Это был последний шанс исправить пошатнувшееся финансовое положение, посему Павел Олегович решил взять все в свои руки и самолично курировать стройку. Дорога из города заняла немало времени – все выезды были забиты дачниками и задержавшимися офисными работниками, вот почему он, бормоча проклятия, выехал на дорогу «Жизни» только в восьмом часу. Промелькнула белая табличка с перечеркнутой надписью «Санкт-Петербург», и вдоль дороги замелькали темные деревья.

Аксенов решил не гнать, перестроился в правый ряд, закурил, приоткрыл окно и откинулся на сиденье. Тихо и ненавязчиво играла однообразная танцевальная музыка, машина заполнилась табачным дымом, на душе скребли кошки. Скоро он прибыл на место. Повернув направо с главной дороги, «Лачетти» медленно поехала по проселочной дороге, переваливаясь на ухабах. Где-то недалеко надрывался пес, визгливо лая и грохоча цепью, в окнах многих домов уютно горел свет, в то время как на покинутых участках безраздельно властвовала тьма. Представив, что ему сейчас предстоит, Павел Олегович захотел плюнуть, развернуться и забыть обо всем. Но, проехав еще около километра, повернул в сторону леса, переехал небольшой мостик через ручей и остановился около синего строительного забора.

– Уже хоть что-то, – радостно сказал он в тишине, – в прошлый-то раз козлы ленивые даже это не соизволили сделать.

Не обращая внимания на острые и практически лысые ветки малины, похожие на лапы гигантского паука, Аксенов умудрился загнать машину впритык к забору. Калитка была закрыта, и он долго стоял и жал на звонок, прежде чем его услышали. Он уже отпустил палец с кнопки, но противный электрический треск до сих пор стоял у него в ушах. Дверь бытовки хлопнула, раздался сиплый кашель и шаркающие шаги.

– Здорово, – в распахнувшихся воротах показался заспанный строитель Толя. Сорокалетний молдаванин, он приехал на заработки в Россию лет десять назад, чтобы накопить на свою свадьбу, да в итоге так и остался тут на неопределенный срок. Черная шапка, чудом державшаяся на лысой макушке, была ему явно мала и не особо помогала от холода. Он шмыгнул красным носом и запахнул грязный тулуп, одетый на белую майку-алкоголичку.

– Пьете опять, – скорее констатировал, чем спросил прораб.

– Обижаешь, Паш, – Толя отошел в сторону, жестом приглашая начальника зайти внутрь. Скорбно выдохнув, Аксенов пошел вперед. Он услышал, как сзади Толик возится с замком. Через маленькое окошко бытовки Павел Олегович увидел второго работника, развалившегося на кровати, пялившегося в телевизор.

– Хорошо устроились, дармоеды, – недовольно пробормотал Павел Олегович.

Толя подошел к нему, шаркая резиновыми сапогами, которые были ему явно велики.

– Давно забор возвели? – спросил Аксенов, чиркнув зажигалкой.

– Дней пять как, – строитель тоже потянулся за сигаретами, – ты главного не видел, мы старую сараюгу демонтировали и уже под фундамент копаем.

– Как? – опешил директор. – Не может быть...

– Паш, ты думаешь, мы алкаши, что ли? Да, выпить любим, базару нет. Но когда сроки горят, все делаем, как положено, – клубы сигаретного дыма вырывались из Толиного рта вместе со словами.

– Сейчас посмотрим, – недовольство Павла Олеговича полностью испарилось, – блин, не видно ни хера!

– Так поздно уже, может, завтра? Ты ж приедешь?

– Я, Толя, теперь с вами буду тут жить. Так что теперь не отмажешься. Пошли, показывай. И друга своего зови, вместе веселее. Нужен свет!

Второго работника звали Раду, он был земляком Толи. Маленького роста, толстый, лысоватый, он постоянно улыбался. Даже когда Аксенов приезжал и орал на них, отчитывая, Раду скалил белоснежные зубы и прихотывал, комментируя самые запоминающиеся эпитеты, чем вводил начальника в состояние, близкое к помешательству. Узнав о внезапном приезде Павла Олеговича, он быстро надел ярко-красный замызганный пуховик и с хохотом выкатился на улицу:

– Какие люди и без охраны, здорово, Паха!

Вместе они смогли поставить несколько треног с мощными фонарями по периметру глубокого котлована.

– Seriously, – одобрительно покивал головой Аксенов, – когда успели, орлы?
– Так вчера приезжал экскаватор, самосвалы все вывезли. Ты не в курсе, что ли? – удивился Толя. – Они сказали, ты заказывал.

– Да, но я с ними договорился, чтоб вам звонили и по времени забивались. Кто ж знал, что вы тут как черти пашете.

– Да, точно как они, – заулыбался Раду. – Паша, тут же паркинг планируется на две машины?

– Да, а что?

– Вообще копать надо было глубже, у нас тут проблемки возникли. На следующей неделе надо будет еще раз технику дернуть.

– Как так? – у Аксенова все внутри оборвалось. – Почему?

– Там еще минимум метр надо взять. Но не успели, почва, как каменная. Ковш даже не берет, представляешь? Как вечная мерзлота, залитая цементом. Мы завтра будем отбойником рыхлить это дело, других идей нет.

– Что за чушь? – Павел Олегович направил один из прожекторов прямо вниз. – Земля как земля, перехвалил я вас что-то.

Он нетерпеливо спрыгнул вниз, поскользнувшись и чуть не приземлившись на пятую точку. Противно заныли отбитые пятки.

– Зачем? Тут же пологий спуск есть, где заезд будет, – визгливо засмеялся Раду.

Прораб нагнулся и взял в руку целую горсть земли. Чуть сыроватая и холодная, она ничем не отличалась от обычной.

– Лопату киньте! – он вскинул голову и тут же отвернулся – луч фонаря бил прямо в глаза. Одна из темных фигур покорно скрылась в неизвестном направлении.

– И себе взять не забудьте, – проорал вслед нерадивому работнику Павел Олегович, – жду вас тут.

Уже через минуту оба строителя стояли внизу рядом со своим непосредственным начальством. Аксенов первым схватил лопату и со всей силы всадил ее аж до черенка:

– Ну? И где тут, бляха, мерзлота и камни ваши? Вы игрушечным экскаватором копали?

– Игруше-е-е-ечным, – задохнулся от смеха Раду.

– Что смешного? Строители хреновы, на бабки разводить вздумали? Сколько вам откат пообещали? Думали, я не проверю?

– Паша, ты погоди нас херами обкладывать. Ты глубже копани, поймешь, – спокойно возразил Толик.

В ярости Аксенов уставился на своего подчиненного. Он поймал себя на мысли, что борется с искушением со всей силы двинуть ему по голове лопатой.

– Глубже, говоришь? – почти ласковым тоном переспросил он.

Он начал копать в бешеном темпе, земля фонтаном летела назад.

– Ну как, достаточно? Или тут метро будем прокладывать? – задыхаясь, проорал он и тут же осекся. Лопата с противным скрежетом наскочила на что-то.

– Корень попался, – не поверил Павел Олегович и взял чуть в сторону. И снова – несколько активных движений и опять все тот же звук.

– Что за дела? – спросил он, остановившись и рукавом вытирая пот со лба.

– А ты не верил, – укоризненно произнес Толик, разведя руки в стороны, – я же говорю, тут какая-то окаменелость.

– Не, Толя. Хорошо бы, если бы ты был прав, – Аксенов сел на корточки и принялся руками разгребать почву, – вот это дела... Давайте за лопаты и расчистим больше.

На то, чтобы докопаться до правды, у них ушло около двух часов, была уже глубокая ночь. За это время они смогли расчистить лишь небольшой квадрат, пару квадратных метров. Под слоем земли оказалась ровная кладка. Большие каменные блоки лежали, как влитые, так тесно

прижавшись друг к другу, что сомнений не возникало – перед ними не природный каприз, а какая-то рукотворная постройка.

– Либо это пол, либо потолок, – предположил Толик.

Павел Олегович, улыбнувшись, подумал про себя: «Это хорошо, что так вышло, будет стопроцентная отмазка, почему по срокам задержали. Скажем, находка историческая, не знали, что делать, грунт тяжело шел». Улыбнувшись своим мыслям, вслух он сухо констатировал:

– И что? То есть техника не смогла взять это говно?

– Ничего себе, – поразился невежеству начальника Толя, – да тут кирпичик к кирпичику, динамит даже не возьмет.

– Это не кирпичи, – резонно возразил Раду, улыбнувшись, – это плиты или блоки каменные, сейчас так не строят, слишком дорого.

В доказательство своих слов он постучал лопатой по одному из камней. Звук вышел тихий и глухой.

– Поэтому даже техникой взять не вышло. На века строили, – вынес окончательный вердикт Толик, опускаясь на одно колено.

Он снял перчатку и почистил один из камней:

– Смотрите, тут нарисовано что-то. Значки какие-то.

– Дай посмотреть, – нагнулся Аксенов, отталкивая рабочего, – подсвети лучше!

Оказалось, что некоторые камни покрыты непонятными значками, похожими на буквы. Местами было похоже на русский, но лишь отдаленно.

– Как будто какие-то руны, кельтские или эти, как их... викингские, – блеснул эрудицией директор строительной компании, – смотрите, а тут вообще кресты какие-то... Может, это кладбище или склеп какой?

– Так тут тогда должно быть добра много всякого... Золота или еще чего... – хищно улыбнулся Толя, алчно потирая руки.

– Нельзя мародеркой заниматься, это же грех большой, – первый раз за весь вечер Раду не улыбнулся.

– Да погоди ты, грешник, – отмахнулся от него Аксенов, – кто тебе сказал, что это захоронения? Может, это древний дом какой-то или замок? У нас же кто правил? Эти, как их, Рюрики всякие, они викинги были или вроде того. Вот тут руны и есть. Вы представляете, сколько лет этой байде?

Мысль о том, что они наткнулись на сумасшедшую историческую находку, возбуждала даже такого прожженного материалиста, как Павел Олегович.

– Давайте еще копанем, может, проясним что-нибудь? – предложил он, хватаясь за инструмент.

Мысль о том, что они могут найти что-нибудь ценное и не только обогатятся, но и получают известность, жгла изнутри, наполняя энергией. «Главное, чтоб жлоб не приехал в ближайшие дни с проверкой, а то все себе заграбастает», – лихорадочно планировал Аксенов, активно раскидывая землю. Тут лопата глухо стукнулась о что-то, не похожее на камень.

– Ребята, тут что-то другое, – облизывая пересохшие губы, тихо сообщил Павел Олегович.

Толик с Раду поспешили к нему и вскоре поняли, что нашел их руководитель. Спустя полчаса они полностью расчистили огромные деревянные двери. Как они столько времени провели в сырой земле и не сгнили – большой вопрос, но кладоискателям было явно не до этого.

– Тут тоже что-то написано или нарисовано, – ткнул грязным пальцем вниз Толик.

– Не видно ни хрена, принеси воды и тряпки, отмоем хоть, – тоном, не терпящим возражений, командовал Павел Олегович.

– Да, – испуганно хмыкнул Раду, когда они смогли худо-бедно отмыть и оттереть грязь от дверей.

– «В неурочный час сим вратам открытыми быти», – жеманно продекламировал Аксенов.

– Ты что, откуда знаешь? – испугался Толик, нервно поежившись.

– Как-то так. Похоже, по крайней мере, – задумчиво сощурился прораб, – буквы знакомые, но не все.

Изображение под фразой было под стать написанному. Огромный скелет в косой в руках словно охранял вход в загадочный подвал. Он был так искусно вырезан в дереве, что Аксенов подумал, что сможет разбогатеть на продаже одной этой двери.

– Может, это древняя трансформаторная будка? – едва слышно прошелестел Раду, – у нас на них тоже череп рисуют с молниями и пишут «не влезай, убьет».

Аксенов истерически засмеялся, закрыв рот ладонью:

– Ну что, погнали?

– Может, утра дождемся? Как-то стремно, если честно... – засомневался Толик, переминаясь с ноги на ногу.

– Да не бойсь, нас же трое. Ты чего, думаешь, мертвецы выпрыгнут оттуда? – Павел Олегович был сам не уверен в своих действиях, но виду не подал.

Вскрыть двухстворчатую дверь оказалось делом непростым. И хотя видимых замков не было, она начала поддаваться только тогда, когда Раду притащил лом и отбойный молоток.

– Тихо, тихо! Дверь не повреди, она может стоять, как три коттеджа, – увещевал Аксенов своего подчиненного.

От усердия Раду весь взмок, пот катился крупными каплями со лба вниз. Наконец, им удалось поддеть монтировкой одну из сторон. Обшивка особо не пострадала, молдаванин сработал на совесть. Толик, негромко бормоча что-то на своем, спустил в овраг два прожектора, поставив их рядом с раскопками.

Каменная лестница вела вниз. Походило это все на небольшой подвал или бомбоубежище. Единственное, что смутило Аксенова, – странный запах, ударивший им в ноздри, как только двери открылись. Пахло сыростью, землей и чем-то непонятным, резким.

– Пошли? – хрипло спросил Павел Олегович и сам не узнал свой голос.

– Не, я пас. Нужно утра дождаться как минимум. Это могильник или курган, говорю вам. В ночи я туда не полезу, хоть убивайте, – наотрез отказался Раду, помотав головой, – мертвецы, не мертвецы, зачем на рожон лезть? А если потолок обвалится? Вдруг там защитный механизм. Ну на хрен такое счастье. Завтра с утра и посмотрим, куда спешить?

Скрепя сердце, глава «ЭлитЛесСтроя» согласился:

– У вас есть, где разместиться? Неохота в машине спать.

– Да, раскладушка устроит?

– Походные условия, ничего не поделаешь, – Аксенов протянул руку вылезавшему из котлована Толику.

Тот был тоже рад, что их ночные раскопки подошли к концу. Негромко обсуждая планы на завтрашнее утро, они зашли внутрь бытовки. Фонарь над входом скоро погас, и все затихло.

Если бы хоть кто-нибудь из троицы все же решился спуститься в подвал, то увидел бы что-то, отдаленно напоминающее огромный каменный ящик, стоящий прямо посередине загадочного склепа. Больше там ничего не было, никаких богатств и золота, которое рисовало воображение Аксенова. Лишь четыре полуистлевших факела чудом висели в углах помещения. Все стены были покрыты надписями и рисунками, более того, все изображения составляли одно целое, нечто, походившее на карту с пояснениями. Поля, озера, реки, деревни. Самое интересное приходилось на центр стены – прямо посередине неизвестный мастер нарисовал лес. Но внимание привлекал не он, а загадочные создания, на корточках сидящие в тени деревьев и выглядывающие из-за них. На фоне скрюченных маленьких фигур особенно выделялся один

силуэт, горделиво стоящий во весь свой немаленький рост. Все лесные сущности обступили маленькую избушку с крестом на крыше, только загадочный исполин отвернулся в другую сторону. Из избы шел свет во все стороны. Ближайшим тварям это приходилось явно не по душе, они закрывались когтистыми лапами, а кто-то даже в испуге бежал прочь.

Все это походило на средневековую гравюру, если бы только у художника под рукой было что-то, кроме черной краски или угля. Но от этого «полотно» выглядело еще более зловещим.

Вдруг ящик явственно дернулся чуть в сторону. От этого большой деревянный крест, лежащий на крышке, чуть было не упал на пол, но удержался. Тихо звякнули серебряные цепи, которые сковывали «саркофаг» и крепились к полу...

Раду не спалось. Тихо сопел Толик, крутился на раскладушке Аксенов, каждую минуту устраиваясь поудобнее, норовя рухнуть на пол. В бытовке было душно, работали два обогревателя, а окна были закрыты. Провалившись в темноте еще какое-то время и не сомкнув глаз ни на секунду, Раду тихо оделся и вышел во двор. Осенняя прохлада все больше напоминала небольшой морозец, и очень скоро строитель зябко запахнул куртку и натянул на лоб шапку. Он сел на лавочку у входа, которую они с Толиком соорудили в первый же день работы, и достал сигареты. С наслаждением затянувшись, он положил ногу на ногу и прислонился спиной к домику.

В мгновение ока чувство умиротворения сменилось паникой и липким страхом. Раду замутило, сердце застучало, как после марафона, ноги стали ватными. Он облизнул пересохшие губы и тут же вскочил, слабо отдавая отчет в своих действиях. Сначала он подумал, что это сердечный приступ или он отравился, в общем, что-то приключилось со здоровьем, поэтому ему было и не заснуть. Но практически сразу отбросил эту версию, как нелепость и бред. Вдруг какой-то звук послышался со стороны котлована, как будто хлопнули двери в подвал, которые они так старательно откапывали совсем недавно. Но отсюда увидеть происходящее внизу было нельзя, нужно было подойти к самому краю котлована.

Ноги будто сами несли своего хозяина в направлении ямы. И хотя мозг Раду настойчиво сигнализировал об опасности, а интуиция так и вовсе орала хозяину прямо в ухо «беги!!!», он продолжал, как загипнотизированный, медленно и степенно шествовать туда, куда идти явно не стоило. Молдаванин не мог ничего поделать, он пытался развернуться, но что-то тянуло его к себе, не давая опомниться и сделать по-своему. Поняв, что не контролирует себя, Раду начал тихо подвывать от страха на одной ноте, у обрыва заорав во все горло. Но от увиденного голос исчез...

Закашлявшись, Павел Олегович сел в кровати. Ему приснился кошмар. Он немного посидел, восстанавливая дыхание, после чего откинулся на подушку и заснул глубоким, спокойным сном.

И хотя они точно оставили двери в загадочный подвал открытыми, сейчас они почему-то были затворены, словно всему виной был лишь порыв сильного ветра...

* * *

Варун открыл глаза. Давно он так не высыпался. Он потянулся, с хрустом разминая конечности. Думалось и соображалось на удивление легко, особенно если учесть события прошлой ночи, голова была ясная-ясная. Наконец-то можно было рассмотреть комнату, в которой он волею судьбы оказался гостем. По стенам до потолка висели полки, чего только на них не было. Книжки стояли бок о бок с какими-то склянками и банками, коробки с тряпьем гармонично соседствовали с арбалетами и луками, мешок с яблоками неуклюже навалился на статуэтку медведя. Заваленный многочисленными фолиантами стол стоял у окна, заколоченного длинными блестящими прутьями. Варун сразу догадался, из какого материала они были сделаны. Воевода заметил большого черного кота, лежащего на печи, который уставился на воина

с хищным интересом. Несмотря на беспорядок, внутри было очень уютно и тепло. Он с кряхтением встал, схватившись за поясницу и прыгнув в сапоги, пошел к выходу, шаркая ногами.

Своего спасителя он нашел на крыльце-помосте. «Мытарь» сидел у лодки и, нахмутив брови, точил палку большим ножом. Взглянув на своего гостя, он ничего не сказал и продолжил работу. Негромко квакали лягушки.

– Здравствуй, добрый человек, – Варун первым нарушил тишину, неуверенно переминаясь с ноги на ногу и трогая себя за русую бороду.

– И тебе не хворать, – стружки летели во все стороны, а палка в руках хозяина дома быстро и споро превращалась в кол.

– Так я ни разу тебя не благодарил, да не до этого было. Вот сейчас говорю – спасибо, выручил, не дал сгинуть смертью лютой. Должок с меня.

– Кушайте на здоровье, – шутливо поклонился лысый обитатель болот.

– Как звать тебя, воин? – присел на корточки рядом Варун.

– Имя уже давно забыто за ненадобностью, зови Ерш. Али Мытарь, ежели запомнишь.

– Почто нас тут не сцапали в ночи? Тут же недалеко от засады, – Варун посмотрел вдаль.

– Откуда знаешь? – хмыкнул Ерш, отряхиваясь и тоже вставая.

– Зело сомневаюсь, что ты со мной на закукрах длинный путь осилил, с кочки на кочку прыгая.

– Это верно. Вроде не богатырь, а кабан тот еще, чуть не надорвался, – пожаловался Мытарь, облокотившись на перила.

– Так почему? – все допытывался воин.

– На сем месте церква была в старые времена, благодать на нее снизошла. Даже когда тьма расползлась, аки змей трехглавый, поглотивши всяк и каждого.

– Почему не учуяли нас твари ночные? Не могут зайти в святое место? – предположил Варун, нервно оглядываясь по сторонам.

– Не видят, сокрыта для них сия избушка, вокруг свирепствуют, скачут, а найти силенок не хватает. Бывало, на крышу сиганут, все одно дальше несутся. Ежели и натыкаются, то для них это как камень видится али еще что, – Ерш пошел к лодке.

– Кто они?

– Кровопивцы. Хозяева ночи. Упыри. Гули. Как ни назови, все одно, – житель болота достал из лодки холщовую сумку и направился к дому, жестом приглашая за собой Варуна.

– Вам же в деревне неспроста говорили, что за путь впереди ждет. Зря не послушались. Древнее зло тут себе гнездо свило. Вы для него добыча легкая, вкусная.

Ерш закрыл дверь на засов, направился к печке, проверил, как горят дрова, и сел рядом на маленький чурбачок. Кот тут же слез с насиженного места и устроился у своего хозяина на коленях. Тот был не против.

– То есть это правда? Живут такие твари на белом свете? – поразился воевода.

– Хотел бы я, чтоб это кривдой было, да только не выходит, как ни пыжься.

– А ты тут зачем поселился тогда? Тут на много верст вокруг ни одного живого нет.

– Потому что задержались на этом свете умертвия и нужно с них спросить пострее за всех невинно убиенных. Кто этим заниматься будет, ты, что ли? – Ерш почесал кота за ухом. – Когда прашуры твои еще в чем мать родила бегали, племенные союзы заключали да в пещерах сидели, мой род уже тогда супротив темного воинства войной шел, бился насмерть, живота своего не жалея.

– Кто вы? – слишком много новой информации поступило в голову воеводы за последние минуты.

– Знающий люд нас Мытарями кличет, а как на старый лад звали, так тебе знать не положено...

– А сущности бесовские только тут обитают? Али по всей земле расплодились? – столько вопросов крутилось на языке Варуна, что он не мог дождаться, пока Ерш ответит на предыдущий.

– Ежели б они токмо тут куковали, то стал бы я на болотах гнить да жизнь тратить. Сидели бы в лесу этом, как медведи у скоморохов. Знай себе, сюда не суйся. Ну а тот дурак, что полез, сам виноват, предупреждали... Нет, витязь, везде они. Но бестии дюже хитрые, в тени ночной сидят, не наглеют. Поэтому про них никто и не ведает. Пошли в лес дети по грибы да ягоды, да не вернулись. Кто виноват? Волки съели, али медведь задрал, заблудились, мало ли. Поплачут-поплачут, да и дальше живет родня. А то, что их упырь порвал, никому знать не дадено. Но ежели не сожрет кровосос добычу свою заживо, не обглодает до последней косточки, тогда еще одним вурдалаком больше станет. И пойдет он в дом свой родной, первым делом всех своих близких поедом поест, такова привычка у них... Слыхал, поди, как целые деревеньки пропадали? Их работка. Кто на отшибе село строит, тот завсегда рискует.

Рассказчик замолчал, задумавшись. Варун слушал, затаив дыхание. Он и раньше слышал все это, в детстве. Да и уже в дружине любили они с братьями по оружию собраться в дозоре у костра и травить байки, стращать друг друга. Только тогда думал он, что все это выдумка и сказки, а теперь реальность повернулась к нему другим боком:

– Поэтому Галаш и Малк по наши души вернулись. Мы их еще днем видели, как они в болоте сидели, за нами смотрели.

– Это они тут распоясались, что и света дневного даже не боятся, – утвердительно кивнул Ерш, – чувствуют, что под защитой.

– Под защитой? – не понял Варун.

– Агась. Ты-то свеженьких гулей видел, считай, своих побратимов. Поэтому они по вашему следу и шли. А вот ежели упырь долгие года в таком обличье скитаться будет да кровь пить, тогда сильнее и хитрее станет. Сможет личину менять, в человека обращаться, речи вести. Некоторые даже на солнце могут показываться, правда ненадолго. Умнеют они, пагубы бесовские. От таких уже так просто не открестишься. Дар великого убеждения им даден, аки змию из райского сада, любого заболтать могут. Обитает тут один такой. Ежели загубить гада, тогда, считай, всех победил, все гнездо со временем зачахнет. Не могут кровососы без своих старших жить-поживать.

– Так это твоя цель? – догадался Варун.

– Непросто это, – поморщился Ерш, – где-то в лесах у них схрон имеется, лежбище тайное. Три зимы уже тут, а все не нашел пока. Ворог дюже смекалистый. Самое главное, совет добрый тебе. Жить захочешь, не пускай в жилище свое упыря никогда, не приглашай зайти.

– А чего их приглашать? Это же твари бессловесные, жаждой крови наделенные. Такую пакость увидишь, уже упадешь замертво. А ты говоришь, в гости звать.

– Не все сразу, сам все поймешь скоро, – зловеще пообещал Мытарь, и от слов его не по себе сделалось воеводе.

* * *

Павел Олегович проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. От неожиданности он резко сел на расхлябанной раскладушке и ошалело закрутил головой, пытаясь сфокусировать взгляд и понять, что происходит. Рядом с ним на корточках сидел Толик с сигаретой во рту. По его испуганному и растерянному взгляду стало понятно – что-то случилось.

– Что? – тяжелым, надтреснутым голосом спросил Аксенов. – Ты какого хрена внутри куришь, совсем обалдел?

– Слышь, Паш, – Толя, казалось, не слышал своего собеседника, – Раду куда-то делся, нигде его нет. С ночи еще, похоже.

– Как это? – Павел Олегович вскочил на ноги, натягивая спортивные штаны.

– Мы когда вчера вернулись и спать завалились, я еще минут сорок крутился, заснуть не мог почему-то, слышал, как он на улицу вышел покурить. И вроде как не вернулся. Точно не уверен, я захрапел к этому времени. Сейчас встал – никого. Ни на участке, ни в туалете, ни в лесу. Я его позвал даже, тишина. Не отзывается.

– Так, может, он это, в магаз почесал с утра пораньше? – Аксенов уже и сам подозревал, что дело нечисто, но хотел отработать все возможные версии.

– Не, ты что. Вчера закупились на неделю вперед, вместе ходили, чтоб нескучно было.

– Что думаешь? – полюбопытствовал директор.

Неприятные мысли начали роиться в голове.

– Паша, да хрен знает, серьезно. Все это очень странно, – пожал плечами Толик.

– А ты давно Раду знаешь?

– Конечно. Мы же еще до переезда сюда дружили, с детства.

– А как ты думаешь, он мог бы мотнуться в город, чтобы себе присвоить нашу находку за вознаграждение? Может быть, нам стоит с минуту на минуту ждать гостей и репортеров?

– Да ну! Бред! – махнул рукой строитель. – Быть такого не может, да и откуда ему знать, куда идти? Вот ты, Паш, в курсе, куда идти с такой находкой? В Эрмитаж что ли?

– Логично. Так, а телефон? Звонил?

– Не берет. Но и не отключен, тоже фигня какая-то.

– Набери еще разок, подумаем.

Толя послушно достал телефон и нажал на кнопку. Задержав дыхание, они дождались длинных протяжных гудков с той стороны. Аксенов крадучись подошел к двери, открыл ее и замер в выжидательной позе. По ногам зазмеился холодок. Не услышав ничего, он направился к туалету, стараясь бесшумно ступать вперед. Тоже тишина. Тогда он пошел в сторону котлована. На самом краю он замер. Толя уже подумал, что тот просто задумался о своем, как вдруг Аксенов повернулся к нему с таким лицом, что у молдаванина все оборвалось внутри.

– Сюда иди, – поманил его рукой бледный Павел Олегович.

Толя испуганно подошел к начальнику и уставился вниз.

– Набери еще раз, – прошептал Аксенов, словно боялся, что их услышат.

Самая узнаваемая мелодия «Нокии» приглушенно доносилась прямо из подвала.

Мужики многозначительно переглянулись.

– Пошли? – предложил рабочий, непонятно зачем схватив воткнутую рядом лопату.

Прямо у дверей они обнаружили черную шапку Раду и лежащий на боку прожектор, который чудом не разбился.

– Мы вчера разве закрывали их? – кивнул на вход глава строительной фирмы.

– Да хрен знает. Чего-то очково мне, Паш, – честно признался Толя, перехватывая поудобнее лопату.

– Ты чего тут устроил, параноик хренов? Внутри он, ты что, не слышал что ли? Или все, дружбе конец, раз он раньше тебя проснулся и туда заглянул? Прошла любовь, завяли помидоры? – выдал целую тираду Аксенов. – Пособи лучше!

Вместе они с трудом открыли пудовые двери в разные стороны и в нерешительности застыли на пороге. Несмотря на то, что был день, свет проникал лишь до половины ступенек, а дальше все было во мраке. Пришлось включать мощный фонарь и ставить треногу на верхних ступеньках. Зато теперь они спокойно спустились в небольшой подвал.

– Ну и дела, – только присвистнул Павел Олегович, разглядывая рисунки по стенам тайного убежища.

– Я же говорил, гробница это, – ткнул грязным пальцем в центр комнаты Толик, – зря мы это вообще раскопали. Это ж гроб натуральный.

– Ну, так уж вышло, что теперь думать. А вот, кстати, и мобилка, – Аксенов подобрал с пола старенькую «Нокию».

Она валялась на полу рядом с деревянным крестом. Толя подозрительно посмотрел на разорванные цепи, валяющиеся рядом с саркофагом:

– А это что?

– Может, украшения такие, – предположил предприниматель.

– Думаешь? – засомневался рабочий.

– Да какая разница! – вспыхнул бизнесмен. – Ты мне лучше скажи, как сюда попал телефон твоего дружка? Договаривались же, вместе пойдем с утра! На кой ляд он в одиночку попер?

– Паш, я не знаю, – честно ответил Толик, – что делать-то будем?

* * *

Дмитрий Александрович Покахонтов был одним из тех людей, кто охотно пользовался домашним телефоном. И дело тут было не в излишнем консерватизме. Мобильный свой он вечно забывал на кафедре в университете, клал в самые неожиданные места и потом долго сам не мог найти его, поэтому близкие, родные и друзья знали, что лучше пользоваться городским номером.

Трель телефона вывела Покахонтова из состояния забытья. Прибыв с лекций, замотанный ученый, не поужинав, развалился на кухонном диванчике, протянув уставшие ноги в меховых тапках.

– Да, алло, – он поздоровался первым.

– Димуля, – кокетливо донесся из трубки мужской бас, – ку-ку!

– А, это ты, – потирая покрасневшие глаза, устало произнес доцент исторических наук, – привет, Коля.

– Здоровеньки булы, – мужчина был настроен крайне игриво, – ты чего смурной такой? Разбудил, что ли? После шести часов вечера спать нельзя, голова будет бо-бо и не заснешь.

– Да, да, я знаю. Я не спал, полежать просто захотелось, устал зверски, вчера до шести утра статью писал в журнал, а сегодня пять пар вlepили с восьми.

– Не бережешь ты себя, – пожурил его Коля, – я тебе как раз по этому поводу и звоню.

С Николаем Заверсиным они дружили еще со школы. После одиннадцатого класса их пути немного разошлись, один пошел на истфак, где и задержался по сей день, а второй, окончив юридическую академию, избрал тернистый путь адвоката по гражданским делам. Как оказалось, не зря. Спустя несколько лет Коля смог основать собственную фирму и очень неплохо зарабатывать. Будучи мужчиной любвеобильным, он постоянно крутил романы с совершенно разными дамами, порой одновременно с несколькими претендентками на его руку и сердце. Историями о своих любовных похождениях Николай постоянно делился с другом детства, не забывая о самых пикантных подробностях.

– Все один к одному, Дима, выручай.

– Так ты скажешь, в чем дело? – потер виски Покахонтов.

Спать во второй половине дня все же не стоило.

– Короче, я уезжаю с Оксанкой в Турцию на пару недель послезавтра. Помнишь ее? Третий размер, брюнетка, на «порше» гоняет.

– Ты ж сказал, она отбитая дура и психопатка?

– Любви, братан, это не помеха. Ей, как говорится, все возрасты покорны, – захохотал над своим же каламбуром «Казанова».

– От меня-то ты что хочешь?

– Кучу не с кем оставить. Родители послали далеко и надолго, Сергуня не может, Леша тоже, все кинули, короче.

Кучина, она же Куча, была любимым лабрадором Коли. Будучи неженатым, всю свою любовь он переносил на домашнее животное и носился с ней как курица с яйцом. Куча была действительно хорошая, добрая и умная, как и большинство собак этой породы. Она обожала всех вокруг, неустанно махая хвостом, как пропеллером. С ней у Покахонтова, в отличие от других животных, сложились на удивление прекрасные отношения. Дело в том, что остальные питомцы друзей и знакомых не жаловали Дмитрия Александровича: кошки шипели и царапались, собаки в лучшем случае не замечали, а в худшем пытались сношаться с его ногой. Даже хомяки, и те прятались в норы и домики, едва он заходил в комнату. Зная о подобных явлениях, Коля, уезжая в отпуска, старался пристроить любимую псину к более проверенным людям, от которых животные не шарахались во все стороны. Но мало кому улыбалось на две недели примерить на себя роль собачника, гулять по три раза в день, тем более вставать на час раньше вместо желанного сна. Именно по этой причине Заверсин быстро исчерпал все возможные варианты и в этот раз обратился к своему лучшему другу, который был его последней надеждой. Мечты о сумасшедших плотских утехах в теплом климате на пятизвездочных матрасах все же перевесили любовь к собаке.

– Коля, ты с ума сошел. Во-первых, я боюсь. Во-вторых, где я с ней буду гулять? Ты не забыл, что я живу в центре? Мне с ней по Невскому расхаживать?

– Все уже продумано, профессор, – жарко заверил его друг, – проживешь пару недель у меня на даче. Ты ж сам дом расхваливал и говорил, что там надо жить круглый год? Вот твоя возможность проверить, сможешь ли ты променять городскую суету на сельскую жизнь.

– Колюсик, это совершенно исключено. Конец сентября, у меня лекции каждый день, работу я пишу, как я поеду? Да на мне еще четыре студента висят, курсовые писать. Как ты себе это представляешь?

– Ничего не знаю. Надо, Дима, надо. Работу там как раз быстрее напишешь, на свежем воздухе лучше голова варит. А студенты никуда не денутся, это же молодняк, только рады будут. Тем более, что сейчас самое начало учебного года, кому ты рассказываешь? Я что, студентом не был? До сессии еще полгода, раньше декабря никто не почешется. Возьмешь отпуск за свой счет, я компенсирую, ты меня знаешь. Или больничный, как у вас там положено, – быстро-быстро тараторил Заверсин, используя все припасенные козыри.

– Ну, не знаю, – засомневался учитель.

Мысли о том, что не мешало бы отдохнуть, посещали его уже давно. Летом осуществить эту идею не вышло, все три жарких месяца он просидел в пыльных библиотеках и помогал работе приемной комиссии, поэтому к дню знаний уже был, как выжатый лимон. Да и на кафедре отнеслись бы с пониманием, все-таки ценили Покахонтова как верного сотрудника и ценный кадр. Но особых вариантов не было, поэтому он смирился с вынужденным положением и решил отложить идеи об отдыхе до лучших времен.

– Давай, не капризничай, – тоном, не терпящим возражений, сказал Николай.

Он уже почуял слабинку в голосе собеседника и решил не упускать шанс.

– Когда ты хочешь повернуть свою сомнительную авантюру? – поинтересовался Дмитрий Александрович.

– Вот это разговор, – обрадованно загоготал адвокат, – уже вчера, как говорится. У меня билеты горят, завтра вылет вечером.

– Ты сумасшедший, Коля. Согласовать все за вечер нереально, – заверил старого приятеля историк.

– Нет ничего нереального, Димулькин. Завтра заеду за тобой в три часа и отвезу на объект. Решай вопросы. Пока-пока, чмоки в щеки, – и, не дождавшись ответа, Заверсин повесил трубку.

* * *

День прошел крайне непродуктивно. Павел Олегович постоянно разговаривал по телефону, расхаживая по участку и пиная особо крупные камни, а Толя сидел на лавочке и грелся под осенним теплым солнцем. Аксенову предстояло выяснить, куда обратиться с их находкой, он осторожничал и не хотел, чтобы какой-нибудь ушлый проныра, пронюхав об их открытии, присвоил себе лавры первооткрывателя. Павел Олегович не раз обжигался на похожих случаях, поэтому к своим сорока годам выработал нездоровый скептицизм и параноидальную подозрительность.

Еще он пытался через свои связи найти, где мог скрываться дезертир-работник. Он никак не мог понять, зачем Раду исчез в ночи, предварительно раскидав свои личные вещи по всему участку. Да и почему полез в склеп в одиночку, если ночью первый наотрез отказался продолжать их изыскания, испугавшись не пойми чего.

Вопросов было намного больше, чем ответов. Точнее, ответов не было вовсе. Ближе к обеду Аксенов собрался в город. Его знакомый организовал встречу с одним именитым профессором-археологом, и Павлу Олеговичу нужно было предоставить весомые доказательства их находки. Перед выездом прораб бегал с телефоном наперевес и без устали фотографировал все подряд. Толик был подавлен, он не принимал участие в происходящем, лишь изредка, грустно повесив голову, бродил следом за начальником. Перед отъездом Павел Олегович провел короткий брифинг, пока прогревалась машина:

– Значит, так. На участок никого не пускать. К раскопкам не подходить. В случае чего звонить мне. Я приеду часа через четыре. Пять максимум. Встречусь с этим престарелым идиотом, и если его все устроит, буду на месте часам к десяти. Если мне поверят, то он соберет целую делегацию и они сами сюда пожалуют.

– Ты им пока не говорил, где именно мы нашли это место? – хмыкнул Толя, отвлекшись от своих грустных мыслей.

– Не-а. Еще чего, в наше время нельзя верить никому, – ответил Павел Олегович, – Толя, самое главное, прошу тебя. Если Раду появится, набери меня. И по возможности узнай, что произошло.

– Да понял я, понял.

– Ты же не хочешь до старости молотком стучать и в грязи возиться? – с нажимом поинтересовался директор. – Тогда не подведи. Я тебя не кину, зуб даю.

Быстро стемнело. Делать было нечего, шататься по холоду не было никакого желания, поэтому Толик зашел в бытовку, включил обогреватель и маленький телевизор и разлегся на кровати. Изредка он подходил к окну, скорее для галочки, потому что рассмотреть, что творится снаружи, не представлялось возможным. Строитель видел лишь черноту в отражении своей опухшей рожи.

Посмотрев по «НТВ» три серии очередного невнятного сериала про бандитов и полицейских, Толик заскучал. Другие каналы ловили плохо, а смотреть на бесконечные бандитские разборки надоело. Он выудил из кармана телефон и набрал Аксенова. Было уже десять часов вечера, в это время шеф обещался вернуться. Рабочий долгое время слушал длинные гудки, наконец в трубке раздался знакомый отрывистый и раздраженный голос:

– Да, что такое?

– Паш, ну чего, ты где? Ты на часы смотрел?

– А то я без тебя не знаю! – отбрил его начальник. – Этот урод перепутал время и задержался на какой-то сраной конференции, я его уже два часа жду, блин! Вот-вот должны подъехать. Тебе-то чего, лежи, кури бамбук. Не ты же на холоде хреном груши околачиваешь. Все, Толя, не беси меня, я и так злой. Сам позвоню.

– Ладно, – Толик помрачнел.

– Не появлялся наш товарищ боевой?

– А, да. Из лесу вышел и пришел. Сидим, чай гоняем, тебя ждем, – съязвил рабочий.

– Серьезно? Чего ты молчишь тогда, дурак, – не понял сарказма Аксенов, – дай мне с ним поговорить!

– Пошутил я, пошутил. Ты что, шуток не понимаешь? – захохотал Толя.

– Мне не до смеха сейчас, – взвился его начальник, – идиот!

Он отключился, не попрощавшись. Шабашник из Молдавии еще какое-то время похатывал, вспоминая бешенство руководства, затем его внимание привлекла очередная погоня в телевизоре, и он выпал из действительности еще на какое-то время. Он пришел в себя, когда услышал странный звук – как будто бы кто-то тихо скребся в дверь.

– Паша, ты? – он встал с кровати, быстро надевая куртку и заскакивая в замызганные сапоги.

Но это был не Паша. На пороге бытовки стоял Раду. Он держался в тени, сторонясь света от фонаря над входом. Но даже так его бледность бросалась в глаза.

– Раду? Ты как? – от неожиданности Толя даже не нашелся, что сказать.

– Я? – глухо переспросил его старый приятель. – Нормально...

– Что случилось? Ты почему бледный, как мел? Где пропадал? – шквал вопросов обрушился на явившегося.

Раду действительно походил на покойника. Бледный, как сама смерть, с синими подглазьями, он стоял, чуть заметно пошатываясь. Красный пуховик его был насквозь мокрым, рукава измазаны чем-то зеленым, похожим на тину.

– Я гулял в лесу, – медленно, буквально по слогам сказал он, – а потом уснул. Сильно устал.

Что-то было не так, Толик чувствовал это. Чутье подсказывало, что опасность совсем рядом.

Раду недовольно посмотрел на свет от лампы и сощурил глаза, опустив взгляд вниз. Он поднял руку и яростно почесал голову. Если бы в этот момент Толя не отвлекся на крик в телевизоре, то непременно увидел бы, как целый клочок волос остался в скрюченных, сведенных судорогой пальцах Раду.

– Холодно, целый день прогревал, чего тут толочься, пошли внутрь, – зябко поежился Толик.

Странное подобие вымученной улыбки проскользнуло на лице Раду, хотя похоже это было на звериный оскал.

– Только ты свет погаси, глаза режет, я приболел, похоже, – попросил он, ступая на порог.

Вода капала с мокрой одежды на половик. Кап. Кап. Кап.

– Ладно, ладно, заходи быстрее, меня только не зарази, – пробурчал его напарник, повернувшись спиной к вошедшему. Близилась полночь, а Аксенова все не было...

* * *

– Почто тогда побратимы наши в бестий не перекувырнулись? Из жижи болотной выползли, как были. Бледные дюже только...

– Чтобы в упыря перекинуться, время нужно, и немало, ночи две, три, кому сколько, – пояснил Ерш, накрывая на стол, – сейчас на них любо-дорого поглазеть, кожа серая, волосья все повывлезали, зубья острые во все стороны торчат, когти, как у ведьмы, страх-то какой!

Обед был по-спартански скудным, без излишеств – черствый, почти каменный хлеб да похлебка, не разгуляешься.

– Но потом облик человеческий к ним сызнова вернется, верно? – все допытывался Варун.

– Да, через года скитаний в шкуре твари ночной, – подтвердил хозяин дома, – таких перекидной можно по пальцам пересчитать. Бывает, правда, что главный сразу помощника выбирает под стать себе, силой немереной наделяет да даром оборотничества. Такой по веткам скакать не будет, другие у него желания.

– А как таких заприметить можно?

– Везде, где кровь рекой льется, там и ищи. Когда одни на других войной идут, там для упырей раздолье. Такие кровопивцы всегда около власть имущих держатся, в тени только, чтоб не заприметили лишний раз.

– А что тогда эти в такой глуши забыли? Тут окромя нас никто и не проходил лет сто, – удивился Варун.

– Это понять и надобно, пока не поздно. Но есть пророчества древние в книгах темных, что силу темную пробудить пытаются, поглотить все живое алчут, – насутился Мытарь, с шумом прихлебывая горячий суп.

– Кошея Бессмертного, поди, ищут? – попытался пошутить воевода, криво ухмыльнувшись.

Ерш внимательно посмотрел ему прямо в глаза:

– Может, и его, поди знай.

– Слушай, а как мне теперь депешу-то найти? Она у меня в подсумках обреталась, а сейчас ищи-свищи... Поможешь?

– Забудь об этом, теперь она уже на дне в иле покоится, как пить дать. Или у тварей в логове, прямо рядышком с лошастью твоей обглоданной.

– Как это, забудь? – в волнении Варун даже вскочил с места, чем вызвал немой укор сидящего рядом черного кота, поглядывающего, чем можно поживиться на столе. – Цель у меня такая, во что бы то ни стало доставить послание важное ко двору в Москву.

– Чего тогда меня пытаешь? – улыбнулся Ерш, погладив себя по лысине. – В добрый путь, витязь. Ступай, раз уж подвизался! До берега, где засаду гнусную сварганили, я тебя на своей посудине докину. А дальше уже сам. Или через седмицу ступай со мной до деревушки за провиантом, там себе новый отряд сколотишь, лучше старого во сто крат. Тут народец лихой обитает, хоть знают, что в лесах рядом живет.

– Ерш, мне не до шуток теперь. Каждый день на счету, – Варун шумно выдохнул.

– Ладно, не скули. Видать, ничего ты не понял. Давай так. Ты мне пособишь, а я тебе, – хитро улыбнулся Мытарь.

– Как же?

– Ты мне поможешь логово найти, а мы с тобой опосля депешу твою отыщем, будь она неладна.

– Так ты ж молвил, что она в болотах уже давно бултыхается, лягухам на потеху, – снова опечалился воевода.

– Кто знает, – туманно высказался обитатель болот, – быть может, она до сих пор на дороге валяется в сумке твоей. Все одно тебе искать, а так помощник добрый будет, я то есть.

– Ну, давай так и порешим, заодно я хоть погляжу на кровопивцев твоих. Всех моих братьев обратили али на тот свет отправили. Око за око, а зуб за зуб, теперь в крови умоются, только своей, – насутился Варун, сжимая кулаки.

– Твоими бы устами да мед пить, – улыбнулся борец с вампирами. – Ладно, хватит живот набивать, пора на разведку отправляться. Пойду собираться и Тень возьму.

– Кого? – ошалело уставился на него витязь.

– Тень. Котофей это мой, друг и товарищ, упырьков за версту чует. А еще он знахарь толковый. Бывает, живот прихватит, лежишь, корчишься. Он запрыгнет, лапами поворочает и уляжется на больное место, а через пару часов как новенький встаешь.

– Ты с ним бродишь по болотам?

– Ага. Скоро сам все увидишь.

* * *

Аксенов ехал по темной трассе и громко матерился. Ругался он изысканно, витиевато, с размахом. Не выпуская сигареты изо рта, он, прищурившись, следил за дорогой. Осенний дождь крапал на стекло несильно, но все равно видимость была близка к нулю – фонари почему-то не работали. Несмотря на погодные условия, синяя «Лачетти» неслась в ночи с бешеной скоростью, Павел Олегович рисковал лишиться прав.

А зол он был на бестолкового профессора, с которым у него была назначена встреча на семь вечера. Потом выяснилось, что светила науки выступает с короткой вступительной речью на международной конференции и их рандеву переносится на неопределенный срок. Павел Олегович ходил как зверь в клетке около кафе, где ему было назначено. Заморозив ноги, он переместился в машину, но и там не смог спокойно усидеть на месте, так сильно был возбужден. Ему не терпелось быстрее продемонстрировать фотографии, заручиться поддержкой ученых и приступить к тернистому пути наверх, к славе и богатству. Нервничать заставлял и исчезнувший рабочий, который мог уже всю копать под своего директора и плести интриги, у него была фора. Короткими приплюснутыми пальцами Аксенов время от времени взъерошивал короткий ежик светлых волос, трогал себя за горбатый, некогда сломанный нос и постоянно проверял мобильный, не звонит ли кто. Ближе к одиннадцати он почувствовал самое настоящее отчаяние. От голода свело желудок, он, злой как черт, выскочил под дождь и с рычанием бросился к стоящему неподалеку ларьку «Теремок». Он давился еле теплым блином, запивая его холодным пенящимся квасом. К концу трапезы телефон наконец-таки ожил – звонил приятель Павла Олеговича, который и выступил организатором этой встречи. Глава «ЭлитЛесСтроя» судорожно сглотнул, не пережевывая, и нажал на кнопку ответа:

– Да, алло.

– Паша, привет. Это я. В общем, какое дело. Михаил Сергеевич только что мне отзвонился, сказал, что замотался и просит на завтра перенести. У тебя же не горит.

– Да я... Мы же договаривались вообще на семь... Как это... – от бешенства не сразу нашелся, что и ответить Аксенов. – Твою-то мать, Кемеров! Вы совсем там попутали??? Я прождал этого престарелого козла четыре часа. Четыре! Ты понимаешь это?

– Паш, я-то что? С меня взятки гладки, ты меня попросил, я сделал? Сделал. То, что он кинул, так это не с меня спрашивать надо. Да и вообще, чего ты хочешь? Это же люди науки, у них семь пятниц на неделе. Это же не контракт какой, подумаешь. Завтра встретитесь, он как раз виноватым себя будет чувствовать, сможешь его обработать, как умеешь. Да?

Аксенов матюгнулся в рифму и в ярости бросил трубку на пассажирское сиденье. Через минуту, как следует прооравшись в тишине, он опомнился и набрал номер друга:

– Игорек. Извини. Был не прав, нервы стали ни к черту. Не обижаешься? Ну молоток, чего на припадочных обижаться? Завтра от тебя жду звоночка. Ты же помнишь, если все выгорит, ты тоже в накладе не останешься. Дядя Паша добро помнит. Ну все, бывай, браток.

Старая «шевроле», сердито взвизгнув шинами, живо понеслась в сторону пригорода.

– Это ж надо быть таким козлом, да? Как так вообще можно. Да последний гопник так поступать не будет. Что это за чучело там такое, еще интеллигента из себя строит, – все вопросы так и оставались без ответа.

Замолчал он, только тормознув у знакомых ворот, чуть-чуть по инерции проехав на скользком гравии. Света не было нигде, только одинокий фонарь на дороге, под которым и припарковался Аксенов. Участок был погружен во тьму. Он опять грязно выругался.

– Что за люди такие? Ни на минуту оставить нельзя.

Калитка была открыта, хотя Павел Олегович точно помнил, как строго-настрого приказал Толику запереть ее после своего отъезда. Его просьба, как и сотня других до этого, была полностью проигнорирована.

Электричество не отрубилось – Аксенов понял это по мерцанию телевизора через окно бытовки. Это уже облегчало ситуацию. Но тот факт, что Толи нигде не было, очень сильно беспокоил директора строительной фирмы. «Уж не Раду ли его навестил и с собой увел. Вот это будет номер. Тогда я его сильно недооценивал», – тревожно думал Павел Олегович, дергая за ручку двери. Было не заперто. Если бы мужчина был не так погружен в свои мысли, то, может быть, он и заметил бы скрюченную фигуру на крыше бытовки. На подозрительном субъекте был красный пуховик.

Зайдя внутрь, Аксенов поморщился – в воздухе витал неприятный запах. Где-то недавно он уже чуял нечто подобное. Тут его осенило – в отрытом склепе пахло точно так же. Из маленького предбанника он зашел в комнатку. Телевизор и впрямь работал, на экране шел дешевый боевичок, кадры быстро мелькали, сменяя друг друга с космической скоростью.

Вдруг сбоку что-то зашевелилось, и Аксенов заорал, подскочив на месте. У стенки, практически за ним, стоял Толик.

– Фух, чуть кондрашка не хватила, – Павел Олегович взялся за сердце, – что за детские приколы, Толян? Совсем со скуки двинулся?

Толик не ответил, лишь чуть покачнулся. Тогда-то Аксенов и заметил мертвенно-бледный цвет лица своего подопечного. Это было видно даже в темноте.

– Ты что? – предприниматель отошел на шаг назад.

Толя снова промолчал, как-то по-собачьи наклонил голову набок и плотоядно уставился куда-то в район шеи своего шефа.

Аксенов еще не успел отойти от неожиданного испуга, он до сих пор ощущал необычайную легкость в ногах, а сердце колотилось так громко и быстро, что его, казалось, должен был слышать и стоящий рядом молдаванин.

Экран телевизора вдруг стал ярко-белым – кино пошло на перерыв, стали показывать рекламу. Толик недовольно и зло прищурился. Тогда-то Павел Олегович и заметил огромную зияющую дырку на шее строителя. Он заворожено уставился на нее не в силах оторвать взгляд. В уме сразу же всплыла корявая фраза из дежурных полицейских сводок и документальных передач про насильников и убийц: «ранения, не совместимые с дальнейшей жизнедеятельностью». Однако, казалось, что подобная травма не причиняет ее обладателю никаких неудобств. Более того, Толя вдруг резко вскинул руку, словно указывая самому себе дальнейший курс. Дрожащий палец с грязью под обгрызленным ногтем указывал на Павла Олеговича, как на виновника всех бед и напастей.

Аксенов не зря слыл ушлым человеком. Его звериная чуйка не раз спасала его в жизненных передрыгах, коих на его пути было немерено, позволяла выходить сухим из воды. Именно поэтому он, ни секунды не колеблясь, моментально развернулся на пятках и помчался прочь, не забыв, впрочем, с грохотом захлопнуть дверь, чтобы выиграть драгоценные секунды. С калиткой он провозился чуть дольше, страх застилал глаза и не давал мозгу принимать правильные решения. Самое сложное было достать ключи от машины трясущимися руками. От бессилия он даже пнул «Лачетти» в дверь, отчего та недовольно пискнула сигнализацией. Наконец, ключи оказались в правой руке, но в этот момент хлопнула дверь бытовки – Толя выбрался наружу. От испуга, мало отдавая отчет в своих действиях, а отдавшись на волю первобытных инстинктов, Аксенов сделал первую глупость – не сел в машину и не погнал прочь, а просто развернулся и понесся по пустой дороге куда глаза глядят, с такой скоростью, что позавидовать ему мог бы любой начинающий спортсмен.

Он никогда не чувствовал такого страха, хотя жизнь его была полна приключений и опасностей, в свое время он нюхнул порошу на сто лет вперед. Но тот первородный ужас, что сейчас

поселился у Аксенова во чреве, не походил ни на что. Он мчался без оглядки, боясь увидеть такое, чего сердце уже точно не выдержит. Может, так оно и было бы. Следом за ним как-то неуклюже несся Толик, похожий на робота из старых фантастических фильмов. Первые шаги давались ему с трудом, он словно вспоминал, каково это – бегать, но с каждой секундой темп бывшего строителя все увеличивался и увеличивался. Преследователь все ускорялся, и было непонятно, что страшнее – широкая, будто наклеенная улыбка на его лице или рваная кровоточащая рана на шее. А в темноте по канавам вдоль заборов запрыгало что-то, гораздо более зловещее и гадкое, чем мог себе представить Аксенов в самых страшных ночных кошмарах.

* * *

Сергею Петровичу Толкуну не спалось. Давно уже минула полночь, а он сидел в своем кабинете на третьем этаже в кресле у большого панорамного окна и смотрел вниз. На заднем фоне бухтел телевизор, а на столе работали все три монитора. На первом экране пестрел интригующими заголовками новостной сайт, а два других показывали изображения со всех камер, которыми был усеян участок Толкуна. Он зябко поежился, толстыми пальцами потрогал батарею и удовлетворительно надул пухлые губы.

Дом Сергея Петровича был притчей во языцех всего Кукуево. В далекие шестидесятые, когда дядя Сереня, как ласково называли его соседи, был молод и хорош собой, у него приключился роман с прекрасной студенткой медицинского института. Толкун был парнем из простой семьи, окончил 9 классов средней школы и поступил в ПТУ, где и болтался неприкаянным четыре года. Случайная встреча с девушкой своей мечты полностью изменила жизнь Сергея Петровича. Началось все классически – были и встречи под фонарем, и прогулки в парках, и цветы с конфетами. Все было идеально вплоть до знакомства с родителями Светочки. Маститый профессор, знаменитый на всю Россию кардиохирург, рассмотрел в Толкуне прямую угрозу светлому будущему своей ненаглядной дочуре и с первого же дня их встречи начал вставлять палки в колеса потенциальному зятю, с немого одобрения своей молчаливой жены. Все боялись того, что «мерзкий гопник» играет с чувствами молодой девочки ради денег. Света, привыкая во всем слушаться своих родителей, изменилась не в лучшую сторону, ежевечерняя промывка мозгов от отца и немые укоры матери сделали свое дело. Но и Толкун решил не сдаваться без боя. Он поступил на вечернее отделение философского факультета Герцена, ночами штудировал книги давно умерших мудрецов, бросил пить и курить, занялся тяжелой атлетикой, чудом совмещая учебу и работу грузчиком в рыбном магазине. Бесконечная любовь к Светочке сделала из отъявленного хулигана и повесы кого-то другого. Но и это не помогло. Прошло еще три года, полных скандалов, интриг и сплетен, – и Сергей Петрович не выдержал. Он влез в долги у всех своих знакомых и друзей, собрал все свои сбережения и накопления и купил кольцо. Теплым июньским вечером он явился в дом возлюбленной с цветами наперевес. О своих намерениях он решил доложить сперва отцу Светы в приватной беседе. Ответ поразил его.

– Вы все равно не будете вместе, как бы ты ни старался, – седой тиран был непреклонен, – я уже давно нашел ей достойного человека. Молодой терапевт с амбициями! Вы не ровня, что бы ты ни делал. Ты должен быть благодарен Светику за то, что она сделала из серости и слякоти достойного представителя рабочего класса.

– То есть как это, не будем? – не понял потрясенный Толкун.

– Да очень просто. Она помолвлена с другим. Она не говорила просто, тебя, дурака, жалела. А сказать стоило, я ей говорил, не дело двоим головы морочить.

Сергей Петрович сидел как громом пораженный, сжимая в потных руках дорожное кольцо. На глаза предательски наворачивались слезы. Из всех сил он сдерживался, чтобы не выглядеть посмешищем перед своим главным врагом.

– Ты думаешь, я вселенское зло, мальчик, – вздохнул властный старикан, – послушай тогда следующее. Я предлагаю тебе сделку. Это твой шанс в жизни, другого не будет, поверь мне. Отстань от Светки, прекрати всякие контакты, и я подарю тебе нашу дачу.

– Что? – от удивления Толкун выпучил глаза.

– Что слышал. Отступишь от моей дочери и получишь прекрасный участок в Ленобласти и дом в придачу. Сможешь продать это все и разбогатеешь. Или переезжай туда. Но если обманешь, держись. Я задействую все свои связи, чтобы...

– Бред какой-то, – Сергей Петрович поверить не мог, что все это происходит на самом деле, – дайте мне поговорить со Светой.

– Кто тебя держит? Ступай себе. Ко мне не забудь заглянуть только.

Несчастный влюбленный пулей вылетел из кабинета профессора. Обида жгла нутро не хуже чистого спирта. Все происходящее больше походило на дурной, тягостный сон. Света была у себя. Что-то мурлыкая себе под нос, она конспектировала статью из большого потрепанного учебника.

– Это правда? – с порога спросил Толкун, уставившись на любовь всей своей жизни.

– Да, – Света даже не подняла глаза на него.

– Понятно, – тихо сказал студент, подошел к столу и положил кольцо на самый край стола. – Это тебе на память.

Он без стука вошел к отцу Светы.

– Я согласен, – больше он не проронил ни слова.

Ближе к зиме он перебрался в пригород, в поселок Кукуево, на улицу Дорожную. Дом был по советским меркам просто шикарный. Двухэтажный, с застекленной верандой, темно-зеленого цвета, он вызывал зависть у прохожих и соседей, обладателей более скромной недвижимости. Сергей Петрович, как и обещал, прекратил общение со Светой и ее семьей. Далось ему это непросто, первые месяцы он прожил в настоящем черном кошмаре, серость и бессмысленность будней не удавалось разбавить даже таблетками и алкоголем. Но мало-помалу раненая душа Толкуна все же справилась, страшные шрамы зарубцевались и лишь изредка беспокоили Сергея Петровича по ночам или в минуты слабости. То, что он испытывал к Свете, обратилось в пыльный прах, иногда он и сам не понимал, зачем он с таким садистским удовольствием подвергал себя страданиям. Свежий ветер перемен игриво дул прямо в серое, изможденное лицо Толкуна.

Каково же было его удивление, когда спустя три года у калитки теперь уже его дома радостно махала рукой его бывшая любовь. Время не пошло Светлане на пользу. Она расплнела, потускнела, увяла. И даже тонны дорожкой импортной косметики и фальшивая улыбка не смогли скрыть от наблюдательного Сергея изменений. Оказалось, что подающий большие надежды врач, будущий супруг Светы, сидел на морфине уже который год. Когда правда раскрылась, он бросил ее, напоследок поставив внушительный фингал под глазом вечно сующего нос не в свои дела любимого папочки. Ко всему прочему студентка была на четвертом месяце беременности.

– Но ты же меня еще любишь? Все еще можно исправить, – проскрипела она, распахивая объятия на кухне Толкуна.

Тот молча встал, допил чай до конца, открыл входную дверь и тихо попросил:

– Уйди.

Душа безмолвствовала и не просилась, как раньше, вырваться из брэнного тела. Толкун с интересом смотрел на мир, а мир смотрел на него.

Сергею Петровичу очень нравилось жить тут. Он и не думал возвращаться в Петербург, лишь изредка приезжал туда проведать пьющих родителей. Жизнь шла своим чередом, годы летели все быстрее, вот уже и замаячил миллениум.

Холостой Толкун, до сих пор работая на местном заводе, вдруг решился на весьма опрометчивый поступок. Ни с того ни с сего, к вящему удивлению своих соседей, он вдруг начал строить что-то монументальное прямо рядом со своим домом. Сначала ходили сплетни, что это гараж и ушлый Сергей Петрович наконец-то наворовался как следует и купит «жигули». Но непонятное строение из белого кирпича и не думало обзаводиться крышей. Вырос как на дрожжах высокий второй этаж. Ну а когда постройка начала потихоньку обрастать третьим этажом, живущие рядом люди начали недовольно шептаться. Как вообще Толкун смог получить разрешение на такое «чудо»? Да и зачем оно нужно посередине дачного поселка?

Стройкой занимался лично Сергей Петрович. По выходным он изредка приглашал двух своих коллег на подмогу, и вместе они возводили аляповатое нечто несколько месяцев кряду. Эксцентричный хозяин все продолжал и продолжал копошиться в вечной стройке годами, не думая останавливаться. Соседи уже привыкли к его постоянной активности, поэтому не лезли с расспросами. Но все так или иначе хотели понять причину, по которой сумасбродному Толкуну приспичило строить сомнительного вида бандуру...

Как-то раз в ночную смену Толкуну пришла в голову безумная идея. Он решил построить новый дом. Старый уже давно перешел в разряд «ветхой развалины», то тут, то там уже начали появляться новомодные домики европейского образца. Но средств и возможностей нанимать строителей не было, Сергей Петрович привык жить скромно и экономно. Первый этаж широким жестом был отведен под склад и гараж (хотя никакой машины у него на ту пору не было), а второй и третий Сергей Петрович отводил под свои «апартаменты», как он сам горделиво именовал их. Год за годом дом обрастал все новыми и новыми деталями – как внутри, так и снаружи. И скоро аляповатая конструкция стала этакой местной достопримечательностью, памятником перестроечного конструктивизма, а старожилы не могли представить себе другой картины из окна. Да и дядя Сереня, сам того не осознавая, стал неотъемлемой частью уютной жизни на Дорожной улице. Большой, степенный и важный, он расхаживал по улице вдоль своего забора, все придумывая и придумывая новые архитектурные решения. Соседские дети по доброму посмеивались над седым, вечно небритым толстяком, он знал об этом, но был не против. По его чуть припухшим векам и неизменной щетине живущие неподалеку бабульки подозревали, что он не дурак заложить за галстук, но скоро эти нелепые подозрения развеялись как дым. Чудаком он был безобидным и никому не досаждал. Больше своей стройки Толкун любил быть в курсе всего на свете. Началось это давно, в начале девяностых он увидел телевизионную передачу о заговоре мирового закулисья. В ней ведущий тревожным голосом рассказывал о страшнейшем заговоре против всего человечества, о готовящихся ужасах и смуте, о народных волнениях. Простодушный Толкун, застыв с дымящейся чашкой чая в руках, слушал мерзкие пророчества, а в голове уже зрел план подготовки к обороне. С тех пор он начал методично готовить свое жилище к долгосрочной осаде. И хотя все его действия были смехотворны, самого Сергея Петровича это устраивало. Это было своеобразным хобби – монтировать системы видеонаблюдения, укреплять забор, откладывать деньги на покупку патронов, устанавливать прожектора и тайники, ставить на двери ненужные защелки и цепочки. Толкуна это успокаивало, и, занимаясь подобным, он испытывал ни с чем не сравнимый кайф. Скоро он взял под опеку всю округу. Темными зимними вечерами он с биноклем зорко следил за близлежащими покинутыми участками и домами, фактически бесплатно осуществляя функции сторожа. Соседи поняли, что с Сергеем Петровичем не забалуешь, когда однажды спонтанно приехали посреди ночи на дачу. Дверь примерзла и не думала открываться, глава семейства копошился с замком, тихо матерясь, как вдруг тьму разрезал яркий луч мощнейшего фонаря, а с балкона Толкуна раздался скрипучий гнусавый голос:

– Леша, это ты?

Получив утвердительный ответ, Сергей Петрович еще несколько секунд понаблюдал за происходящим и только потом вырубил прожектор.

Он पहले всех узнавал, кто продал участок, кто купил новую машину, когда Степановы будут строить забор и что за три участка от него сдают дачу на лето. Если кому-то нужны были свежие сплетни и вести, то обращались всегда к владельцу несуразного огромного полу-дома-полусклада. Однако, друзей и приятелей Толкуна можно было пересчитать по пальцам одной руки, он вел уединенный образ жизни, получая удовольствие от своего одиночества.

Этот холодный вечер не стал особенным. Как и обычно, Сергей Петрович дежурил у себя наверху в «командном пункте», как он называл спальню, совмещенную с кабинетом. Что-то привлекло его внимание на мониторе, показывающем изображение с улицы. Прямо посередине дороги бежал человек. Толкун сделал картинку побольше и прильнул к экрану:

– Интересно, что за дела?

Некто проскочил мимо камеры с такой скоростью, что тайный наблюдатель даже не успел глазом моргнуть. Но тут стало еще интереснее – следом за неизвестным субъектом появилось еще что-то. Сперва Сергей Петрович подумал, что это собака, но скоро понял, что ошибается. Это был человек. Только он преследовал свою жертву весьма пугающим образом, живо передвигаясь на всех четырех конечностях, ловко притягивая ноги к рукам. При этом преследователь был «размыт» и нечеток, камера не могла сфокусироваться на его изображении. Толкун почувствовал неприятный холодок на загривке. Он быстро встал, задев объемным пузом клавиатуру, и направился к балкону. Бесшумно открылся недавно установленный стеклопакет, а бдительный пенсионер уже всматривался вслед исчезнувшему. Тут он услышал, как на участке напротив громко хрустнула ветка. Что-то черное быстро перемахнуло забор и стремительно исчезло во тьме. Судя по треску кустов, это «что-то» тоже двигалось в направлении дороги.

Толкун еще долго не спал, все перематывая и перематывая запись видеокamer. Даже когда он уже лег в кровать, перед глазами все стоял скачущий на карачках «мутный» человек. Сергей Петрович успокоился только тогда, когда положил на кровать рядом с собой потрепанный дробовик, предварительно зарядив его.

* * *

Кукуево было поселком городского типа. Тут были и густые леса, небольшая речка, широкие поля и необъятные просторы, будто сошедшие с классических пейзажей. Ближе к железнодорожной станции стояла самая настоящая школа, куда ходили местные дети. В нескольких метрах от нее лезли друг на друга ржавые гаражи, а за ними шла теплотрасса.

Место это было знаковым. По вечерам вся самая «продвинутая» молодежь собиралась именно там. Зимой и осенью тут было не холодно, можно было сидеть на горячих трубах и греть пятую точку. Школа с прилегающей территорией располагалась на пригорке, поэтому за гаражами открывался живописный вид на речку внизу и мост через нее. Подростки могли зависать там часами напролет, распивали алкоголь, курили траву и гашиш, иногда употребляли кое-что посерьезнее.

Этот холодный дождливый вечер не был исключением, на трубах сидела по меньшей мере дюжина молодых людей. Отсутствие света компенсировалось дисплеями мобильных, кто-то включил навязчивую резкую музыку. Несколько ребят курили марихуану, передавая по кругу большую двухлитровую бутылку, наполненную дымом, старательно сдерживая кашель и затыкая носы, влюбленная парочка самозабвенно целовалась, держась чуть поодаль, а еще пятеро азартно резались в карты. Ночная идиллия была нарушена громким топотом и хриплым дыханием.

– О, это Вадос по ходу опять под спидами колбасится, – оторвавшись от страстного поцелуя, констатировал вожак «стаи».

Остальные заулыбались, предвкушая появление своего обдолбанного товарища. Но из узкого прохода между гаражами выскочил отнюдь не «Вадос». Кто-то, еле передвигая

ногами, выполз из-за угла и прислонился к высокой березе, сипло вдыхая морозный воздух. Сразу несколько фонариков одновременно направились в его сторону. Низкорослый белообрый мужик ошалело уставился на окружающие его тени и вдруг, абсолютно неожиданно, визгливо заорал, закрываясь руками:

– Не-е-е-ет, уйдите на хрен!!!!

В наступившей тишине один из подростков, самый смелый и общительный, робко поинтересовался:

– Мужик, ты чего?

Ночной гость безумно улыбнулся и захохотал, откинув голову назад:

– Ну вот, не вышло Пашу задрать, да, Толян? Нежданчик? Выкусите, суки!

Он обернулся в сторону прохода и показал темноте два средних пальца.

– Ребята, как мне повезло, что вы тут тусуетесь, вы бы знали...

Молодые люди чувствовали себя крайне некомфортно. Непонятный мужик точно был то ли под серьезной наркотой, то ли просто невменяемым. А это всегда было опасно и страшно, непонятно, что ждать от таких индивидуумов. Ко всему прочему, странный тип постоянно крутил головой по сторонам, пытаясь рассмотреть в темноте что-то. Все надеялись, что он быстро отлипнет, но не тут-то было. Сумасшедший сел на трубы максимально близко к одному из парней, полностью игнорируя понятие о личном пространстве. Разговоры замолкли, всем стало понятно, что вечер испорчен.

Тот самый пацан, рядом с которым приземлился нервный мужчина, тут же деланно-бодро вскочил на ноги, с хрустом потягиваясь. Он сильно недолюбливал бомжей и психопатов, считая их разносчиками опасных инфекций и бактерий. В глубине души он свято верил, что у них не заржавеет насрать порчу на тех, кто был с ними недостаточно обходителен или посмел выказать неуважение. Именно поэтому он старательно скрывал свое отвращение, стараясь ничем не вызвать подозрения у зловещего бездомника.

– Поздно уже, – застегивая пуховик и зевая, сообщил он, – пойду я.

– Как это? – первым поразился мужчина. – Куда? Туда нельзя идти!

Атмосфера стала взрывоопасной. Все подростки, упорно делавшие вид, что все в полном порядке, разом замолкли, словно по мановению волшебной палочки. Точка невозврата была пройдена, теперь проблему с умалишенным, быстро ставшим опасным, нужно было решать, переждать уже не получится.

– Ты о чем, дядя? – закурив, невзначай спросил вожак «стаи».

Пальцами он нащупал в кармане зажигалку и сжал ее в кулаке. Все, кроме четырех укурков, встали. Обстановка стала – хуже не придумаешь. Казалось, одно неверное движение, и начнется драка с непонятным исходом.

– Вы думаете, я почему бежал? – выпучил глаза мужчина, вытирая потные ладони о колени. – Просто так, перед сном решил? Черта с два!!! Там в темноте вас поджидает такое, что вы даже не можете представить.

– Да? – беззаботно хмыкнул главарь, хотя внутри он был напряжен, как натянутая тетива. – И что же там такое, расскажешь?

Сумасшедший встал, заглянул за угол и тихо прошептал:

– Не знаю, что это. Демоны, монстры или страшили из детских сказок, а может, и сам дьявол. Знаю одно, до утра нам нужно продержаться вместе, иначе все до единого сдохнут страшной, мучительной смертью!

Лицо безумца подсвечивал фонарик, и выпученные глаза с застывшей гримасой ужаса на плоском лице делали его речь еще более пугающей:

– Думаете, я загашенный торчок, да? Я бы и сам так подумал, если бы услышал такой бред от не пойми кого. Но, ребята, клянусь вам, стоит разделиться – и все. Всем конец.

Снова воцарилась тишина, лишь слышно было, как далеко-далеко на шоссе громко и сердито пробурчал грузовик, набирая скорость и надсадно крякая передачами. Поэтому визгливый, оглушающий смех одного из парней прозвучал как гром среди ясного неба. Вздрагнули все, а одна девушка даже взвизгнула. Лидер банды с укором уставился на весельчака. Одет тот был явно не по погоде – белая рубашка-поло навыпуск, тоненькая джинсовая куртка. В темноте светились, как привидения, два его белоснежных больших кроссовка. Густые черные волосы выбивались из-под классической спортивной кепки, а темные глаза буравили незнакомца.

– Скажи мне, только честно, ты-ы-ы-ы, – он поцокал языком, подбирая более точные эпитеты, – долбанутый?

На этот раз засмеялись все, лед был сломан, чему все были рады. Теперь большинство молодых людей предвкушали бредовый и абсурдный диалог с помешанным, а не грязные разборки с полоумным агрессивным бомжом.

– Жека, ты вообще красавчик, как всегда, – кто-то хлопнул балагура по плечу, – умеешь настроение поднять!

– Вы не поняли, – возвысил голос «мутный типок», как его уже успели шепотом окрестить в компании, – это не шутки!

Но было поздно. Все снова начали заниматься своими делами, разговаривать, хохотать. Передумал уходить и рыжеватый паникер, сидевший рядом с вопящим бомжом. Поняв, что тот не опасен, он все же незаметно перебрался поближе к своим, под защиту тяжеловесных дружков. Весельчак Жека, наоборот, отвлекшись от шуток, сел на корточки рядом с пугающим «кликушей».

– Слышь, – Жека смачно сплюнул на землю, – так а чего ты там порол-то? Про демонов и так далее?

На деле он был единственным, кто мог бы поверить Аксенову Павлу Олеговичу, чудом сбежавшему от своих бывших работников, мистическим образом превратившихся в непонятно что. Обладая пытливым умом, Женя Федоренко любил вникать в самые запутанные и невероятные теории. Не было более благодарного слушателя, чем он. Даже когда накуренные вдрызг приятели лопотали очередную чушь, придумывая ее на ходу и перемежая рассказ блеющим козлиным смехом, Женя, сложив на груди мозолистые руки-лопаты, покровительственно кивая головой, слушал. Взгляд черных глаз-бусин замирал на лице собеседника, а сам Федоренко превращался в безмолвную статую. Неважно, что в большинстве случаев друзей Жени ждал один и тот же вердикт, выраженный в форме вопроса:

– Скажи мне честно, ты долбанутый?

Парень испытывал постоянную жажду знаний. Обычная школьная программа была ему неинтересна, поэтому учился он на тройки, компенсируя пробелы самообразованием и чтением. Ко всему прочему, отец Жени, бывший профессиональный борец, изо всех сил пыжился, чтобы чадо не превратилось в «ботаника». Для него это был худший кошмар из всех возможных, поэтому Женя с трех лет занимался то дзюдо, то вольной борьбой, то русским рукопашным боем, то еще чем-нибудь. В итоге к семнадцати годам он превратился в весьма интересный незаурядный экземплярчик. Его деревенская непосредственность и неотесанность удивительным образом сочеталась с добрым нравом и любознательностью.

– Что, что, – схватился за голову Аксенов, – какая теперь разница? Мы, считай, уже на том свете. Особенно я. За мной первым придут.

– Да кто придет-то? – хохотнул Жека. – Ясен хрен, что тебе никто не верит, потому что ты ничего толком не сказал.

Глубоко вздохнув, Павел Олегович постарался как можно более сжато рассказать своему новому молодому слушателю о своих злоключениях. Всех остальных это устроило как нельзя лучше – для чужака нашлась добровольная «нянька», больше он не орал и не пророчил гибель для всех, а значит, можно было продолжать веселье.

– Я не въехал, – потряс головой Женя, – так это получается, они превратились в каких-то зомби?

Впервые за долгое время он не закончил разговор своим любимым вопросом.

– Откуда мне знать, – зло огрызнулся Павел Олегович, – зомби не бывает, это долбаное американское кино мозги всем уже промыло. Вообще, я в темноте не особо рассмотрел, но Толик выглядел просто как с того света вернулся. А второго, Раду, я не видел, только слышал. По кустам щемил, нормально, да? Может, тут какие-то военные испытания? Распылили химикаты и давай наблюдать?

– Почему же тогда все не превратились? – резонно заметил парень. – Тем более это Кукуево, чувачок, ты что. Сорок километров от Питера, стали бы тут, конечно, такое проводить. Ты бредишь. Уж если бы и заморочились, тогда нашли какую-нибудь деревеньку за тридевять земель и жажнули. Может, тебе просто показалось? Может, приколы такой у твоих гастарбайтеров? Зарплату не платишь или просто затрахал, вот и решили проучить.

– Не может такого быть, – наотрез отказался признавать доводы собеседника Аксенов. – Я ж не совсем «ку-ку», как вы все тут думаете. Ничего, скоро все встанет на свои места. Вот пойдут твои дружки до дома в темноте, тогда и посмотрим, что будет.

Многие краем уха слушали перепалку Жени с чудаком, иногда сознание вылавливало из речи странные и пугающие слова – зомби, химикаты, военные испытания. Большинство из компании занервничало, но никто и вида не подал. Поддаться панике и поверить какому-то «торчку» значило навсегда дискредитировать себя в глазах местной общественности.

И опять, почуввав нервозность, домой засобирался тот самый рыжий трусоватый парень.

– Ладно, полпервого уже, я пошел, завтра геометрия первая, проверочная, – буркнул он, застегивая до подбородка черную теплую куртку. Отточенным щелчком зашвырнув бычок далеко в кусты, старшекласник попрощался со всеми и пошел в темный проход.

– Первая жертва людоедов, – громко прокомментировал его уход главарь, стараясь, чтобы уходящий их услышал, – беги, не оглядывайся, Димас!

– Да пошел ты, – донеслось в ответ. Обматерить «вожака» безнаказанно не разрешалось никому, но и уйти молча после издевки значило потерять лицо, закон джунглей. Показывать свою слабость нельзя было ни при каких условиях.

Димас изо всех сил старался идти медленно и вальяжно. Каждая мышца в теле была напряжена до каменного состояния. Нападения можно было ждать откуда угодно, поэтому он даже не смотрел по сторонам. Скоро впереди замаячила дорога с фонарями. Парень приободрился и даже ускорился, мысленно успокаивая себя и сдерживаясь, чтобы не понестись во весь опор. Когда до шоссе оставалось всего метров пятьдесят, не больше, от угла одного из домов отделилась фигура и стремительно перекрыла путь молодому человеку. Ужас парализовал идущего, обездвигил ноги, перекрыл дыхательные пути. Димас замер на месте, как кролик перед удавом, сомлел и сдался на милость убийцы.

– Прекрасная ночь, не правда ли? – до боли знакомым голосом произнес предполагаемый людоед. – Осень вступила в свои права, но еще не чувствуется дыхание зимы... Я дико извиняюсь, у вас не найдется мелочевки, дабы уважаемый интеллигент со стажем смог украсить свой законный досуг алкогольными возлияниями?

Дима с шумом выдохнул. Сердце снова заработало, стуча с утроенной скоростью, будто желая нагнать секунды простоя, мозги со скрипом заворочались, а оцепенение спало.

– Твою мать, Степаныч! Я чуть в штаны не наложил! – севшим от испуга хриплым голосом сообщил он любителю изысканного слога.

Степанычем звали местного алкаша. Весь день он курсировал между привокзальными ларьками и магазинами, периодически отклоняясь от курса за пополнением наличности. Будучи ненавязчивым мирным попрошайкой, он вскоре расположил к себе местных гопников и молодежь. Заставив его станцевать или спеть, многие охотно делились с ним мелочью,

порой балуя даже сторублевыми купюрами. Обычно к вечеру Степаныч уже надирался до бессознательного состояния и шел к себе в «будуар», как он называл палатку под мостом. Видимо сегодня алкоголик не выпил своей нормы, вот почему маялся бессонницей.

На радостях Дима выгреб из карманов все монетки, какие у него были, и всучил их запойнику. Выйдя на освещенную дорогу, он и думать забыл про параноидальные рассказы мужика на трубах. Подходя к дому, он уже рылся в холодных карманах в поисках ключей, как вдруг что-то заставило его обернуться. Прямо посередине дороги стоял, замерев, еще один пьяница.

«Сегодня что, ночь живых алкашей? – весело подумал парень, нащупав наконец связку ключей. – Теперь понятно, почему к нам явился этот недоделок и пургу нес про страшилищ из темноты. Их тут и правда немерено».

Тихо стоящий мужик вдруг чуть присел, словно берущий старт бегун, и живо понесся на Диму. Его тело сработало быстрее, чем мозг. Он со всей силы шархнул дверью, закрылся на все замки и прижался к стенке, переводя дух, прежде чем до него дошло, что происходит. Из комнаты вышла сонная и злая мать Димы:

– Опять пьяный приперся? Завтра поговорим, в армию тебя отдам, на хер. Беспрокий, как твой отец. Яблочко от яблоньки.

Степаныч шел к станции, отчаянно выписывая зигзаги, но при этом стоически сохраняя равновесие. Вот уже замаячили огни привокзальных ларьков, «пятака», как называли это место аборигены. Даже если бы выпивоха не был отравлен огромной дозой алкоголя, он все равно не смог бы услышать, как что-то быстрое и юркое неотступно крадется за ним по кустам. Оно подступало все ближе и ближе и наконец замерло, как перед прыжком. В этот момент Степаныч шагнул на мост, ведущий в сторону железнодорожного вокзала. Тихо и спокойно журчала бегущая внизу неглубокая речка. Существо в темноте недовольно заворчал, рискуя быть обнаруженным. Спустя мгновение оно исчезло, испарившись в ночном холоде.

* * *

Черный «мерседес» уже завернул на Дорожную и, поднимая пыль, покатил в сторону леса. В багажнике, отделенном от салона внедорожника металлической сеткой, возбужденно поскуливала Куча – чуяла, что они скоро приедут.

Покахонтов в который раз поразился красоте загородного жилища своего старого друга.

– Коля, ты что, адвокат Аль Капоне? Откуда деньги такие, каждый раз поражаюсь.

– Не, друг. Я по гражданским делам, разводы там всякие, штрафы и административка, сутяжничество и прочая скупа, – Заверсин, тряхнув головой, откинул непослушную прядь волос со лба.

Высокий каменный забор вкупе с вечнозелеными туями отделял участок Коли от любопытных глаз соседей. Заверсин щелкнул пультиком, и ворота, ведущие в гараж, начали медленно подниматься. Радостная собака, получившая свободу, тут же стала носиться по аккуратно подстриженному газону. Дмитрий Александрович давно тут не был. Он с восхищением рассматривал альпийские горки, беседки и скамейки, вымощенные плиткой дорожки и декоративные фонарики.

Большой трехэтажный дом еще не ожил, все окна были закрыты металлическими жалюзи. Заверсин не понаслышке знал о воровстве, процветающем в этих краях в зимний сезон, поэтому еще при строительстве оснастил дом всевозможными прибрдами и охранными системами.

– Так, хватит тут пялиться, как будто в первый раз. Давай тащи продукты из машины, а я пока дом в порядок приведу. Отопление еще включить надо, а у меня час максимум, – засуетился Николай, взглянув на экран смартфона. – Димуля, давай, давай, давай, давай.

– Коль, а кто следит за этим всем? – Покахонтов кивнул на элегантные клумбы и идеально подметенные дорожки.

– Кто, кто, – буркнул адвокат, – уж всяко не я. Сам знаешь, бываю тут три раза за год, да и то летом. Когда какой-нибудь цыпе захочется воздухом подышать и шашлыки потрескать. Специально обученные люди существуют для подобных вещей, профессор.

– Зачем ты вообще купил это все, раз бываешь тут реже, чем «специально обученные люди»? – улыбнулся историк.

– Так, – возмущенно встал, уперев руки в бока, юрист, – ты что, в налоговую устроился? Что за допрос? Дима, это называется инвестиции в недвижимость. Ты в курсе, что за те пять лет, что у меня этот дом, цена на землю в этом районе увеличилась в три раза? В три раза! Понимаешь? Тем более, что, может, мне на старости лет приспичит жить в экологически чистом районе, а лет через двадцать это уже будет, считай, самый настоящий пригород Петербурга. Учись, доцент! Только сосед своей халупой весь вид испортил, ну да ладно. Разрешений у него нет наверняка, надо будет, снесу все к чертовой бабушке за месяц. Вообще, мы с ним кореша, если что.

Ухмыльнувшись, Дмитрий Александрович не спеша поплелся к машине доставать многочисленные пакеты из «О'кея». Куча в эйфории скакала рядом, путалась в ногах, норовя укусь своего временного хозяина за пятую точку.

– Ладно, ладно, хватит. Не балуйся, – пытался усмирить разбушевавшееся животное он.

Раздался щелчок, и все ставни на окнах поползли вверх. Дом оживал. Озабоченный Заверсин снова показался на высоком крыльце:

– Так, пошли внутрь, я тебя проинструктирую и помчусь. Время не ждет!

Внутри жилище холостого слуги Фемиды было не хуже, чем снаружи. Во всем чувствовалась рука маститого дизайнера. Несмотря на то, что дом был кирпичным, внутри было много дерева. Основную площадь первого этажа занимала светлая гостиная, совмещенная с кухней и прихожей. Дополняло картину и окно во всю стену. Наверх вела лестница с широкими, плоскими ступенями. На втором этаже была еще одна огромная комната с перилами, перегнувшись через которые можно было увидеть, что творится внизу. Телевизор, причем не маленький, был и на кухне, но тут базировался настоящий кинотеатр.

– Стоит, как машина, – плохо скрывая гордость, похвастался Николай, – больше двухсот каналов в самом высоком разрешении.

Взглянув на огромный диван и мягкие исполинские кресла, в которых можно было запросто утонуть, Дмитрий Александрович уже понял, чем будет заниматься все эти дни вместо прогулок по лесу и написания научной работы.

– Тут две спальни гостевые с душами и туалетами и бильярд, – бодро сообщил Николай, поднимаясь еще выше. – Хотя кому я это все рассказываю, ты ж тут все видел.

– Если ты тут бываешь три раза в год, то я был один, и то года три назад, – подметил Покахонтов, следуя за своим другом, – так что, если не хочешь инцидентов в своем логове разврата и порока, то будь добр все досконально показать. Меня больше интересует, где газ перекрывать и как сигналка работает, а не твои бильярды, телевизоры.

– Не бойсь, все будет, – заверил его товарищ.

Третий этаж был владениями хозяина. Большая спальня, сверкающая ванная, комната с джакузи. Вид из окон завораживал.

– Тут стекла затемненные, так что можешь намываться и голым расхаживать, никто не увидит. Если только ты в ночи при полной иллюминации не будешь этим заниматься, – сообщил радушный хозяин. – Белье чистое, лично проверял, так что можешь не бояться.

– Зная, зачем ты сюда приезжаешь, все-таки некие опасения присутствуют, – пошутил ученый, – придется по приезду к венерологу заглянуть.

– Обижает, братан, – по-детски надулся Николай, – гадости говоришь. Можно подумать, я сюда каких-то шлюх подзаборных таскаю.

– Да ладно тебе, что ты, приколов не понимаешь? – даже удивился Дмитрий Александрович.

– В каждой шутке, как говорится, – многозначительно высказался его друг, – ладно, проехали. Пошли вниз, покажу тебе, как газ перекрыть и воду. Что там тебя еще интересовало?

Спустя час Заверсин отбыл. На прощание они крепко обнялись, словно Николай уезжал не на отдых в Турцию, а как минимум на войну. Куча словно чуяла, что любимый хозяин уходит и не берет ее с собой, печально сидела, опершись на ноги Покахонтова. Ученый поправил традиционно съехавшие с носа круглые очки и душевно попросил:

– Коль, ты только будь на связи, о'кей? А то мало ли что.

– Не бойсь, Димуля. Привезу тебе в подарок что-нибудь потрясное, раз ты от денег отказался. Не переживай, не притягивай негатив, и все будет в шоколаде, братан.

На прощание Заверсин посигналил и был таков. Покахонтов постоял на дороге, смотря вслед удаляющейся машине, зашел обратно и закрыл калитку на все засовы. Он зашел в дом, так и не заметив тучную фигуру на балконе соседнего огромного дома из белого кирпича.

* * *

Весла почти беззвучно опускались под воду и так же тихо поднимались вверх. Варун в который раз подумал, как смог Мытарь выжить в таких гиблых местах вдвоем с котом.

«Тут и безо всяких кровопивцев сгинешь за милую душу, так здесь еще и орда страшилищ бродит, – восхищенно смотрел он на сидящего на веслах воина, – во дает!»

Тень сидел на корме и бдительно смотрел вперед, туда, куда шла лодка. Деревья росли прямо из болота, мутная гладь с кувшинками и камышами так походила на зеленую траву, что казалось, хоть сейчас бери и иди пешком. Скоро лес начал редеть и воевода смог рассмотреть явившийся из тумана крутой берег.

– Это же тропа тайная, по которой мы путь держали на Москву, – прошептал он.

Ерш довольно посмотрел на него, утвердительно кивнул и накиннул на лысую голову капюшон, став тем самым загадочным странником, который повстречался им несколько дней назад. Он приложил указательный палец к губам и едва слышно прошелестел: «Ш-ш-ш-ш-ш-ш».

Лодка причалила к берегу. Черный толстый кот, едва они подплыли, первым прыгнул на сушу и исчез в густых зарослях камыша. Ерш выскочил следом на землю и был таков. Последнее, что увидел витязь – болтающийся за спиной Мытаря огромный арбалет. Не зная, что ему делать, воин нерешительно постоял в лодке, вышел из нее, неловко промочив одну ногу, и стал тревожно осматриваться. Без устали крутятся по сторонам, он вытащил меч и тут же почувствовал себя спокойнее. Время шло, а Мытаря все не было. Варун даже подумал, что его бросили одного, как сверху раздался свист. На дороге стоял Ерш:

– Не спи, богатырь, замерзнешь. Подымайся, никого, опасности нетути.

Впервые за долгое время Варун почувствовал себя неловко. Обычно от него зависели другие жизни, он верховодил людьми. Теперь же Ерш носился с ним как с писаной торбой.

На дороге так и осталось лежать то поваленное дерево, с которого все началось. Теперь на нем сидел Тень и тщательно намывал свои лапки. Следов не было вовсе, лишь наметанный глаз опытного Мытаря воссоздал всю картину:

– Сеча была, да бесславная. Весь твой хваленый отряд положили, как зверей бессловесных. Видишь, земля вся вскопана? Не любят нежить лошади, они первыми взбесились, и начался кровавый пир. Упырей всяко больше двух было. Видать, те, что вашими были, первыми пошли, пыль в глаза пустить, с панталыку сбить.

Согнувшись в три погибели, Варун изо всех сил напрягал зрение, чтобы увидеть то, о чем говорил его спаситель.

– След туда уходит, как я и думал, – Мытарь махнул в сторону, противоположную той, откуда они приплыли. – Там раньше деревня была, да вся вышла. Дюже любят они это место.

– Почто? – полюбопытствовал воевода.

– Поди знай, друг мой, поди знай, – пожал плечами Ерш, пряча в ножны свой меч. – Может, воспоминания, а может, еще что, неведомо. Чего гадать, пособи лодку перетащить, дале поплывем, пока время есть.

Скоро стало понятно, что Ерш был прав. Когда они проплывали совсем мелкое место, чуть ли не царапая лодку о дно, Варун увидел шлем, лежащий под водой. Сомнений не было – доспехи принадлежали кому-то из его дружины. Чуть дальше на дереве они увидели грязное и разодранное знамя их отряда – сову, сидящую верхом на волке. Кот забеспокоился, начал протяжно и гадко мяукать.

– Ты смотри, что деется, – прошептал воевода, – как они их сюда тащили?

– Волоком, как еще. Сила великая в вурдалаках сокрыта, – пояснил Мытарь, громко шмыгнув носом. – Правда за нами, по их стопам идем ровнехонько.

Скоро разрушенная деревня показалась вдали. Издалека она была похожа на обычное поселение. Только ни из одной трубы не шел дым. Чем ближе они подплывали, тем яснее становилось – это мертвая деревня. Вдоль берега некогда стоял частокол, теперь от него осталось одно название. Редко стоящие заточенные кверху дреколья выглядели нелепо и странно. Причал весь почернел от сажи и копоти, частично прогнил и представлял собой печальное зрелище.

– Озеро тут было, на берегу поселение стало. Это опосля, вместе с паразитами болото родилось и вширь пошло, чума с лихорадкой да прочие страшные болезни поползли, – проскрипел Ерш. – Я так думаю, топь вместе со стахоилами приходит.

Дома стояли полуразрушенные, практически у всех были выбиты окна и двери, некоторые лачуги лишились и крыши. Природа брала свое, все, отстроенное человеком, за года поросло мхом и травой.

– Страшная беда тут случилась, – вслух поделился мыслями Варун, уставившись в одну точку.

– Верно говоришь. Всех обратили, женщин с детьми малыми и тех не пощадили.

– Почему на сем месте приключилось подобное непотребство злодейское? – взглянул на Мытаря глава дружины.

– Черт знает. Это я понять и силуюсь. В разных местах силы темные ползут, но чтобы вот так, столько себе земли захватить да наместника посадить... Зело недоброе дело затевается, – Ерш, подплыв к причалу, ловко накиннул бечеву на одно из бревен.

Кот снова будто растворился. Несколько минут они стояли на причале и слушали тишину. Здесь она была мертвецкая, не похожая на обычную. Будто великан накрыл деревню большим прозрачным куполом и смотрел сквозь него. Чувство, что за ними наблюдают, никак не проходило.

– Проклятое место. Птицы не летают, зверье за многие версты обходит, жуколицы со змеями – и те боятся, – Ерш стоял, не двигаясь, но глаза его находились в постоянном движении.

– Как ты тут один супротив темного воинства боролся? Тут и с целой ратью боязно, – глухо поделился своими соображениями Варун.

– Выбора особого не было, – Ерш тихо зашагал вперед. – Пошли, окрест пошукаем, может, что найдем интересное. Покудова солнце не село, наш ход.

Чем дальше вглубь деревни они шли, тем поганее на душе становилось воеводе. Заросшие дворы, упавшие изгороди, брошенная телега с оторванным колесом посреди дороги.

Варун погрузился глубоко в свои невеселые мысли, да так сильно, что даже вздрогнул, когда Мытарь схватил за рукав, заставив резко остановиться.

– Чего ты? – испугался витязь, хватаясь за рукоять меча.

– Обожди орать, – шикнул на него болотный житель, – вон в избе кто-то... Видел я вурдалака новообращенного, похоже. Ну и здоровый же, гадюка.

– Из моей дружины? – переполошился Варун, забыв о конспирации. – Как выглядел?

– Говорю же, богатырь настоящий. Борода черная, как смоль. Но глаза уже блеском недобрым горят, исчез, как нас заприметил... В окне он... Куда ты? Совсем голову потерял? Обожди, на погибель спешишь!

Но воевода уже не слышал – он перепрыгнул через ветхий забор и побежал к избе, мечом расчищая себе путь от жухлой травы и не обращая внимания на протяжное мяуканье сзади.

* * *

Ближе к двум часам ночи стали расходиться и остальные. На трубах осталось всего несколько человек – Павел Олегович, Женя и трое наркоманов, которые так и не смогли найти в себе силы расстаться с травой. Укуренные в умат, они сидели с блаженными лицами и пялились в одну точку, иногда глупо похохатывая.

Женя, будучи человеком отзывчивым и охочим до всевозможных авантюр, не знал, что делать со своим новоиспеченным другом. Павел Олегович пытался отговорить ребят расходиться, но тем было не до него. Вместе в Федоренко он еще долгое время обсуждал, что за напасть постигла его подчиненных. Теперь же Аксенов насупился и молчал.

– Слышь, а может, это, такая еще тема. Я на «Дискавери» смотрел передачу про Египет, там чувачки-архитекторы раскопали гробницу фараона, а она была всякими ловушками нашпигована.

– Археологи, – тихо поправил Женю бизнесмен.

– Чего говоришь? – не понял Федоренко.

– Археологи, а не архитекторы.

– А, ну да. Короче, там ученые допетрили, что все хитрости, что фараон в могилу установил, имеют научное объяснение, бактерии там всякие, самострелы в стенах и так далее. То есть это не проклятие настоящее, как раньше думали.

– Ты это вообще к чему? – действие адреналина закончилось, Павел Олегович почувствовал, как веки наливаются свинцовой тяжестью, как приятное тепло расходится по телу от горячих труб, как неспешно бухтит прямо над ухом что-то странный парень, единственный из компании прислушавшийся к нему...

– Аллю! Не спи, замерзнешь, – гаркнул Женя прямо в ухо разомлевшему строителю.

– Мать твою! – Аксенов подскочил как ужаленный. – Блин! Я чуть не помер со страху! Зачем так орать-то?

Зато сон как рукой сняло. Он вновь почувствовал ложную бодрость.

– Я кому рассказываю, Пашок? О, кстати, я тебе кликуху придумал. Запашок, как тебе? – снова во весь голос разоржался Федоренко, звонко хлопая в ладоши.

От шума проснулись торчки. Один из них даже сподобился встать:

– Ну че? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил он, пытаясь сфокусировать взгляд перед собой. – Спать пора, наверное.

– Обожди, братан, – Женя остановил его начинания, – все равно ты завтра минимум алгебру, литру и химию закосишь, так что лишние полчаса погоды не сделают. Да и ты к тому же уже конченный человек, падший.

Даже пелена дурмана не помешала наркоману оскорбиться:

– Сам ты падший, дебил. Я тебя оскорблял?

– Нет, но ты дуешь каждый день, бухаешь и таблетки хаваешь. Тебя даже в нашем сельском говне еле-еле в десятый перевели. Ты ж в путягу, кстати, собирался?

– Ой, ой, а ты зожник недоделанный. Русь с колен на турничках поднимаешь? – заступился за собрата второй парень. – Если бы у тебя батя не был помешанным на этом деле и не палил контору каждый день, ты бы долбил, как дятел, побольше нашего.

– И не путяга, а колледж! – поздно сподобился вступить в дискуссию первый любитель марихуаны. – Я вообще-то в ГУСЭ поступать думаю, чтоб ты знал.

– ГУСЭ, – чуть не загнулся от смеха третий кадр, до сих пор сидевший без движения.

Он резко вскочил на ноги, сел на корточки и стал с кряканьем ходить вдоль теплотрассы, активно махая согнутыми руками, изображая крылья.

– О чем вообще речь? – вспылil Павел Олегович. – Что я тут делаю? Вы совсем, что ли? Вам кирдык с минуту на минуту, а вы тут лясы точите, перспективность вузов обсуждаете, я фигею!

– Запашок прав, – согласился Женя, застегивая куртку, – парни, хорош базар-вокзал разводить, айда до ларьков дойдем, у меня сушняк начался после всех историй этих. А потом расход.

– Я за, – охотно поддержал затею товарища потенциальный абитуриент ГУСЭ, – как раз на хавчик пробило некисло.

Сонная продавщица неодобрительно осмотрела компанию прибывших покупателей. Она только что прилегла на раскладушке в подсобке и начала погружаться в приятный сон, как вдруг колокольчик у двери громко звякнул и магазин наполнился смехом и голосами. Она знала всех, кроме одного, самого старшего. Зимой молодые люди частенько приходили в ее смены по ночам и грелись внутри. Она была не против, так как знала всех, и так ей было даже спокойнее, особенно после того, как пару раз парни помогли выдворить зарвавшихся залетных пьянчуг и бомжей.

– Здравсьте, Нина Павловна, – бодро отсалютовал Женя.

– Привет, привет, – хмуро поздоровалась она в ответ, – вам чего не спится? Только легла, а вы тут как тут.

– Да мы ненадолго, по йогурту и спать, – процитировал бородатый анекдот Федоренко и первый радостно заржал.

Все, кроме Аксенова, поддержали его кислыми улыбками.

Пока остальные, шумно советуясь, выбирали, что купить на ранний завтрак, Павел Олегович устало опустился на стул около холодильника с мороженым и, облокотив голову на стену, закрыл глаза.

– Жека, а это что за тип с вами? – громким шепотом испуганно поинтересовалась продавщица.

– Этот? Да нормальный мужик, Пашей зовут. У него просто день тяжелый выдался, работники его отмудохать хотели, он и удрал от них, а в ночи на наших выскочил.

– Ого, за что ж поколотить хотели? Может, по делу? – ахнула продавщица.

– Не, но там история мутная. Пока неясно, завтра с утра пойду гляну, что происходит. У них стройка на моей улице, в конце только, у самого леса. Сейчас-то идти смысла нет, темно и страшно.

– Ну да, ну да, – покивала Нина Павловна, отхлебывая терпкий чай с лимоном, который давно остыл, дожидаясь своей участи за прилавком у кассы.

– Он у вас до утра перекантуется? Идти некуда, электрички не ходят, а машина на стройке стоит. С утра, как светло станет, уйдет, – спросил Женя, переминаясь с ноги на ногу. – Домой-то я его не поташу.

– Не знаю, – засомневалась тетка, – а вдруг он маньяк? И все это наплел вам с три короба, чтоб в доверие втереться. Типа «посмотрите, какой я бедный».

– Нина Павловна, да какой маньяк? Вы посмотрите на него, соплей перешибешь. Все с подробностями рассказал, нарочно не придумаешь. Тем более что эта троица, – Федоренко кивнул на укурков, – тут еще минимум часа два будет висеть, а там уже утро близко, не страшно. У вас же тревожная кнопка тем более есть.

– Ладно, пусть сидит. Но под твою ответственность, – она помахала толстым пальцем прямо перед большим носом Жени, – если что, будешь отвечать.

– Ладно, договорились. Я завтра перед школой заскочу, хочу проверить вместе с ним все.

От торможения Аксенов проснулся моментально. Задыхаясь, он нервно вздохнул всей грудью и непонимающе уставился на наклонившегося к нему парня. Он долго не мог понять, где он, что делает и кто все эти люди. Особенно его напугала хмурая продавщица, опасливо выглядывающая из-за прилавка.

– Короче, я тут все уладил. Посидишь тут до утра, заодно Нину Павловну поохранишь, – сообщил ему новости Женя. – Я спать пошел, завтра часов в семь зайду, пойдем смотреть на твоих работников-мутантов. Все, бывай.

Он потрепал Павла Олеговича по плечу и, хлопнув дверью, исчез в ночи. Трое из ларца стояли около холодильника и спорили, какое мороженое купить.

Объемная продавщица откашлялась, словно набираясь смелости, и обратилась к новому «постояльцу»:

– Давай проясним сразу, милоч. Будешь бузить или шутки шутить, схлопочешь у меня. Кнопочку нажму, быстро по твою душу приедут. Да и молоток у меня самой имеется, так что не советую. В кладовке запрусь и все. А полезешь туда, так вперед ногами вынесут уже.

– Простите, я не знаю, как вас зовут, – даже обиделся Аксенов, – но уверяю вас, я не такой человек. Я не грабитель, насильник или вор, просто так действительно сложились обстоятельства, что некуда податься до утра, да и это просто опасно. Я вам даже заплачу за неудобства.

Он полез в карман за кошельком, но боевая женщина остановила его. Казалось, что его искренний ответ полностью удовлетворил ее:

– Ничего, ничего. С кем не бывает, – уже сердобольно начала она, – все пройдет. Чаю захочешь или еще чего, скажи. У меня тут котлетки из дома есть, не стесняйся. Ишь чего удумал, деньги платить. Мы ж не нехристи какие басурманские, когда это русский человек другого в беде оставлял? И думать забудь.

– Спасибо большое, – сердечно поблагодарил продавщицу Аксенов, чувствуя, что все не так плохо, как могло бы быть.

Тем временем Женя Федоренко возвращался домой по пустынной улице. На часах было три часа ночи, света не было ни в одном окне на родной Дорожной, и это не прибавляло уверенности шагающему старшекласнику. Все-таки рассказы Аксенова произвели какое-то впечатление на Женю. Когда до дома оставалось метров триста, он не выдержал и понесся что было сил. Опомнился он только тогда, когда закрыл все замки. Сделать это бесшумно было очень и очень сложно, но он справился и еще долго стоял, опершись о стенку. Сам факт того, что неизвестные монстры из темноты не съели его, радовал парня так, что даже мысли о подъеме через несколько часов не могли омрачить его существования.

* * *

Как и боялся Покахонтов, огромный телевизор с множеством каналов все же зазомбировал его. После отъезда друга Дмитрий Александрович побродил по участку, наблюдая, как носится вокруг Куча. Словно почуяв, что хозяин вернется не скоро, она бегала туда-сюда, с тревогой вынюхивая что-то. Скоро она, грустно повесив голову, понуро побрела к дому и легла на крыльце, уложив печальную морду на когтистые лапы. Посидев в беседке еще полчаса, бесцельно уставившись себе под ноги, ученый поймал себя на том, что ни о чем не думает, а такое

бывало крайне редко. В голове была звенящая пустота, лишь изредка стремительно пролетала какая-то бытовая мысль, и все снова затихало. Он шмыгнул замерзшим носом и направился в дом. Быстро начинало темнеть. Не успел Покахонтов выпить чаю, а на улице уже было черным-черно, как ночью. Фонари еще не включились, было слишком рано, поэтому не видно было ни зги. Полная иллюминация в доме лишь усиливала тьму снаружи. Там был другой мир, враждебный и чужой. Покахонтов с дымящейся чашкой в руке подошел к панорамному окну и уставился в него, силясь рассмотреть хоть что-то. Через несколько секунд ему удалось увидеть фонарь около беседки и черные очертания кустов.

– Да, все-таки неприятно, как будто в аквариуме живешь, – поделился он своими соображениями с Кучей, – надо бы тут прикрыть все, для уюта.

Он долго искал один-единственный пульт, и наконец темные деревянные жалюзи с мерным, едва слышным жужжанием поползли вниз. Сначала он перепутал кнопки, и окна стали блокироваться защитными ставнями, но историк быстро понял свою ошибку.

Дмитрий Александрович походил немного по дому, изучая обстановку. Чтобы не прислушиваться к каждому шороху и скрипу, он включил на кухне висящий под потолком телевизор. Стало повеселее. Шла вечерняя развлекательная передача, до него постоянно долетали бодрый голос ведущего и зрительский смех. Выпив еще чаю и закусив печеньем, Покахонтов забрался на второй этаж и вольготно расположился на огромном диване перед домашним кинотеатром.

– Ну что, посмотрим, что у нас тут, – пробурчал он, щелкая кнопками.

Качество изображения поражало воображение, бесчисленные колонки, расположенные по всей комнате, создавали настоящий эффект присутствия, первое время Дмитрий Александрович вздрагивал от выстрелов и голосов за спиной, но быстро привык и оценил технику по достоинству. На первом этаже тихо скулила собака, скучая по своему настоящему хозяину. Покахонтов, отвлекаясь от кино, перевешивался через перила и как мог успокаивал животное, стараясь, чтобы его слова звучали ласково и добро.

Он совсем расслабился и даже начал получать удовольствие от подобного праздного времяпрепровождения. В перерыве между фильмами историк выключил звук и быстро побежал вниз сделать себе бутерброд.

– Ну и аппетит тут, наверное, воздух свежий, – привычно вслух прокомментировал свои действия Дмитрий Александрович.

Когда он открыл дверцу холодильника и принялся изучать его содержимое, то вдруг услышал странный звук с улицы, кто-то бродил по крыльцу. В голове зашумело, ужас сковал его, не позволяя двинуться с места. Куча, подняв голову с лап, недовольно заворчала, но не изменила позы. В дверь тихо постучали. Собака моментально вскочила и уже вполне угрожающе заворчала. Поняв, что вряд ли воры-грабители стали бы так себя вести, Дмитрий Александрович взял себя в руки. Как можно увереннее он подошел к двери, громко вбивая пятки в паркет, и вальяжно проорал, задрвав голову кверху:

– Саня, подожди, сейчас открою, и доиграем. Тут пришел кто-то.

Искренне надеясь, что его блеф не раскусили, он еще долго провозился с непослушными чужими замками, прежде чем дверь поддалась. На крыльце стоял какой-то толстый тип и криво ухмылялся. Больше всего Покахонтова поразило то, что одет незнакомец был в самые настоящие валенки, в то время как на голову была нацеплена летняя ярко-красная панама. Колорита добавлял и потрепанный ватник, одетый на шерстяной свитер с воротом.

– Ты кто? – без обиняков скрипучим голосом поинтересовался незванный гость. – И что за Саня? Ты же один был вроде.

Куча смогла воспользоваться растерянностью Покахонтова. Протиснувшись мимо его ног, она носом открыла дверь пошире и, обтирая упитанные бока, выбралась наружу. Но странно выглядящий гость не заинтересовал собаку. Едва понюхав его, Куча приветливо махнула хвостом и скрылась в обступившем дом мраке.

– А вы кто? – пораженно ответил Дмитрий Александрович, не зная, как реагировать на первую реплику пришельца.

– Сосед, Сергей Петрович, – наконец сподобился представиться толстяк, шумно почесав щетину на подбородке. – Я смотрю, лицо незнакомое, а собакевич вроде Колин, значит, не ворье. Да и свет горит в доме. Решил проведать.

– Ясно, – облегченно выдохнул Покахонтов, – вы меня испугали. Первый день тут, думал, уже лезет нечисть какая. Нет никакого Сани, это я импровизировал, приврал на всякий случай.

– Не бойся, – хохотнул Сергей Петрович, – свои. Ты тут жить будешь теперь?

– Я приехал на пару недель, – разоткровенничался историк, – дело в том, что Коля уехал в отпуск, а собаку оставить не с кем. Вот на меня и повесил животину свою.

– Тут хорошо, – глубоко вдохнул вечерний холодный воздух Толкун, – тишь, благодать. Народ хороший живет.

– Погодите, – опомнился Покахонтов, его словно ледяной водой окатили, – а вы как сюда попали? Я же калитку закрывал...

– Это видишь? – хитро сощурился, повертел перед испуганным мужчиной ключом Сергей Петрович. – Коля мне выдал, едва успел домину свою отгрохать. Знает, что я за порядком слежу, доверяет. Он же тут бывает раз в год, я захожу часто, смотрю, чтоб все было чин чинарем.

– Вы тут как местный шериф, – у доцента исторической кафедры снова отлегло от сердца.

Невооруженным глазом было видно, что подобное лестное сравнение пришлось по душе Толкуну.

– Да ладно уж, чего там... – даже покраснел от удовольствия он, – ерунда, по-добрососедски чего не помочь. Тем паче он мне подкидывает денюжат иногда.

– Это вполне в духе Заверсина, – поверил историк.

– Я еще чего пришел-то. Ты тут ничего подозрительного не видел? – почему-то понизил голос Сергей Петрович.

– Нет, – растерялся Покахонтов, – а что, должен был?

– Забудь, – махнул рукой сосед, – не бери в голову.

– Ну теперь это будет сложно сделать, – нервно улыбнулся Дмитрий Александрович, – в чем дело?

– Да пока ни в чем. Вчера ночью какую-то хрень видел. Хулиганы или наркоты баловались. Неприятно, в общем, мимо пробегали. Один как раз через ваш заборчик сиганул. Неместные, надеюсь.

– Вы полицию не вызывали? – история испугала впечатлительного научного работника.

– Да какая полиция, – отмахнулся Толкун, – чего им сказать? Что ночью по дороге три тела невменяемых пробежали, а раньше ничего такого не было?

– Ну не знаю, чтоб на заметку взяли...

– Я их на свою заметку взял, – угрожающе пообещал Сергей Петрович, – сейчас посмотрим пару дней, может, все спокойно будет. Ну а ежели баловать не прекратят, тогда разберемся. Ты тоже бди, мало ли что. Двери закрывай, электричество не транжирь почем зря. У нас тут в зимний период бывают и кражи, и хулиганье дичает. Ладно, пойду я. Запиши мой номер, кстати. И свой дай. Если что, будем на связи, друг друга выручить легче будет.

После обмена данными внушительная фигура неспешно скрылась в темноте.

Кучи так и не было. Памятуя о недавнем разговоре, Дмитрий Александрович изрядно нервничал, призывая загулявшую собаку. Но она так и не появлялась. Ученый опомнился только тогда, когда понял, что практически не ощущает своих голых ног в тапочках. Ветер задувал и в легкие тренировочные штаны. Стало еще холоднее.

«Ну и ладно, сама придешь, будешь на крыльце спать, – даже мысль о том, чтобы бродить по огромному темному участку и выискивать сбежавшее животное, вызвала у Покахонтова

дрожь. – Куда она денется? Тут же забор метра три. Замерзнет, зато урок будет. Нам с ней еще две недели жить. Надо показать, кто в доме главный!»

Если бы историк знал о небольшом лазе у гаража, что Куча проделала в последний свой приезд на дачу. Если бы Николай Заверсин не спешил бы в аэропорт и вспомнил бы об этом. Если бы собака не почуяла странный, новый манящий запах, доносящийся из леса. Из многих этих «если» и сложились последующие события.

* * *

Лишь у самой двери Варун опомнился. Он не зря слыл не только бесстрашным воином, но и мудрым стратегом. К нему подскочил Мытарь, ошутимо ударив его в грудь:

– Окстись, балбес! Из-за тебя, дурака, помирать не хочется раньше срока. Что ты сюда понесся?

– Никиту ты увидел, десницу моего. Может, спастись ему удалось?

– Из лап упырей еще никто живым не выходил, – процедил сквозь зубы Ерш, заглядывая в разбитое окно и разведывая обстановку внутри.

– А ты что же? Значит, обманул меня? Как же ты тут третий год зимуешь, раз никто живым не уходил. Нахвастал почем зря, – прищурился Варун.

– Не паясничай, богатырь, – вытянув шею, борец с вампирами продолжал изучать обстановку в доме. – Одно дело ратник, даже краем уха не слыхавший про напасть темную, а другое – сведущий мракоборец. Лады, зайдем посмотрим на твоего побратима, но знай, если обратился он, то дорога ему на тот свет уже оплачена. Нет лечения и трав таких, что на ноги поставят и жажду крови изведут!

– Понял я, понял, чай не дите малое, неразумное, – зло огрызнулся витязь.

– Ну, раз понял, отпирай дверцу и в сторонку отойди, не след такому охламону поперек батьки в пекло лезть, – крикнул Ерш, доставая из-за спины арбалет.

– Крестьянское оружие, – пренебрежительно высказался насчет самострела Варун, наблюдая за тем, как Мытарь заряжает серебряную стрелу.

– Поучи меня еще, – беззлобно фыркнул житель болот, – супротив темного воинства, силы нечистой все средства хороши, что их жизни лишают.

Он любовно повертел в руках самострел и продолжил:

– Я его прозвал «Жнец», – горделиво сообщил Ерш, любовно поглаживая арбалет по прикладу.

– Только добрым да диковинным мечам имена положены, – наставительно поднял палец вверх Варун.

– Ладно, хватит лясы точить. Пора, – нахмурил брови Мытарь. – За мной держись и смотри в оба. А ты, животина хитрая, тут нас стереги, а ежели кто вздумает прищучить, кричи.

Сначала они пронырнули в темные сени, а только потом в комнату. Варун пытался следить за происходящим из-за широкого плеча своего нового наставника, но тот передвигался с такой скоростью, что поспеть за ним было непросто даже поднаторевшему бойцу.

Печка, длинный стол с двумя лавками вдоль него, две кровати, вот и все. Страшнее было то, что вещи так и стояли нетронутыми, покрытые толстым слоем пыли. Будто хозяева просто взяли и исчезли в одиночасье, наплевав на свое имущество.

– Чудеса в решете, – только после тщательнейшей проверки Ерш чуть ослабил бдительность, – нету тут твоего Никитки, пригрезилось.

– Не может такого быти. Ты ж тут первый бородищу черную за приметил? – Варун поднял с пола соломенную куклу и повертел ее в руках.

– Да все может быть. Показалось, – упрямо твердил Мытарь, выглядывая в окно, – или убеги куда, падлюка.

– Никуда он не делся, здесь он, – сердито топнул ногой Варун, и что-то под его ногами скрипнуло.

Вдвоем они тут же уставились на источник звука – прямо под воеводой в полу была небольшая дверь в погреб. Мытарь схватил за кольцо и потянул вверх, сперва дверь поддавалась, но тут же стремительно дернулась вниз.

– Что за дела, – не понял Ерш, от неожиданности отпустив руку, – каши, что ли, мало ел?

– Уйдите, – глухо донеслось до них снизу.

Мытарь среагировал почти моментально. С невероятной скоростью он отпрыгнул в сторону, поджав ноги, и приземлился, уже держа в руках арбалет.

Варун и не думал отступить. Вместо этого он схватился за кольцо и принялся что было силы тянуть его на себя. Но кто-то внизу пытался помешать ему.

– Никита, ты чего чудишь, друже? – прокряхтел воевода, покраснев.

– Уйдите, – снова донеслось из подпола.

– Ты чего там засел? Мы тебя спасать пришли, – Варун не оставлял попыток отвоевать вход вниз.

– Поздно уже. Никого не спасешь, – голос Никиты изменился, приобрел абсолютно другой, потусторонний оттенок.

– Ты смотри, – поразился Ерш, – уж сколько часов минуло, а он до сих пор не обратился. Во чудеса-то какие! Видать, крепкий парень твой десница. Был.

Варун в отчаянии обернулся к говорившему.

Мытарь сжалился над воином и подошел помочь:

– Слышь-ка, десница, Никита, добрый воин. Дай зайти, не будь трусом. Прими честную смерть от своего побратима, покуда не стал тварью бесовской, до крови невинных охочей. Али хочешь веками вершить темную волю кровопивцев? Ты же уже чувствуешь, что творится?

Ему никто не ответил. Они подождали еще немного, Ерш дернул за ручку. На этот раз дверь со скрипом поползла вверх. Затаив дыхание, они вдвоем посмотрели вниз, вытянув шеи. В небольшом подполе, по всей видимости, хранили запасы на зиму. В самом темном углу, куда не попадал свет, сидел кто-то, вытянув длинные ноги. Варун сразу же узнал огромные сапоги своего верного советника и друга, Хорта.

– Опосля того, как ты головой об камень шибанулся, совсем скверно стало, – начал Никита вещать из темноты. – Галаш и Малк, будь они неладны, на своих же набросились, да еще дюжина тварей откуда ни возмись появилась. Не успели мы и глазом моргнуть, а уже все либо мертвые валялись, либо еле на ногах от ран стояли. Кто ж знал, что в этих лесах такие чудища обретаются.

– Тебя-то порвали? – спросил Ерш, незаметно держась за рукоять меча.

– Нет. Стол накрыли знатный да квасом напоили. Стал бы я тут сидеть, ежели б нет, – мрачно ответил Хорт, – подвело чутье в этот раз. Супротив пятерых в кругу бился, пока одна тварь на закрик не прыгнула да в шею не впиалась. Очнулся уже тут, в деревне мертвецов. Мне тут самое место, недолго осталось.

– Это как посмотреть. Если бы мы не явились, то мог бы еще долго жить-поживать.

– Я сразу понял, кто это. И что впереди ждет. Странно только, что еще не обратился. Видно, не судьба. Варун, брат мой, окажи честь последнюю, покуда на вас не кинулся. Искушение велико, чую кровь сладостную, что по венам вашим бежит.

– Пособить тебе? Голову усекнуть надо, иначе все одно обратится, – по-деловому посоветовал Ерш, не меняя позы.

– Уйди, – обернувшись через плечо, попросил Варун.

– Ну, смотри. Я на улице буду. Ежели что, кричи. Никита, прощай. Не знакомы мы были до сих пор, и уж лучше было бы, что так оно и продолжалось. Но что теперь. Не бойся, самое главное, а на том свете еще увидимся. Все там будем.

– Не поминай лихом, незнакомец. Сбереги Варуна от участи страшной, от клыков тварей ночных.

– Ужо постараюсь.

* * *

Женя сдержал слово – в семь утра он, с помятым недовольным лицом, отчаянно зевая, прибыл на станцию. Зайдя в магазин, он обнаружил Аксенова, весело беседующего с Ниной Павловной за чашкой утреннего чая. Федоренко почувствовал, как засосало под ложечкой, он-то не завтракал, стараясь сберечь на сон драгоценные минуты.

– Нина Павловна, дайте мне ряженки какой, а то окочурюсь прямо у вас, – протянул он деньги продавщице. – А ты чего расселся? Хорошо устроился, чай гоняет с печевом, шутки шутит. Пошли, юморист, у меня времени мало. У нас первый урок литература, Елизавета тварюга еще та, опять работу на знание текста закатит, мне еще надо узнать, о чем книга хоть.

– Чего вы там изучаете-то хоть? – миролюбиво поинтересовалась Нина Павловна, поправляя ценники на колбасе в холодильнике.

– Этот. Как его. «Облом» вроде, – нахмурил брови старшеклассник.

– Ага, «Облом», – хохотнула женщина, – облом у тебя с образованием, Евгений. Эх ты, стыдуха. «Обломов», может, все-таки?

– Ну да, он, – хлопнул себя по лбу парень, – а вы его читали, что ли?

– Представь себе, да, – гордо подбоченилась Нина Павловна.

– И о чем там? Если вкратце?

– Идите уже, опоздаете, литераторы хреновы, – беззлобно прикрикнула она, – и аккуратнее там. Если что, сразу полицию вызывайте.

По главной дороге поселка Кукуево шла странная парочка. Высоченный школьник с черными густыми волосами с небрежно висящим на одной лямке рюкзаком и невнятного вида белобрысый мужчина средних лет с опухшим лицом и страдальческим выражением лица. Может быть, они бы и сошли за прогуливающих отца с сыном, если бы не такой контраст во внешности и росте. Да и столь ранний час для прогулки тоже вызвал бы подозрение, если бы кто-нибудь встретил их по пути. Как только они завернули на Дорожную, Аксенов попытался дать задний ход:

– Может, сразу полицию вызовем? Давай сами не пойдем, это же бредово как-то. Чего там делать? Вдруг они там сидят и нас ждут?

Женя изучающе посмотрел на перепуганного предпринимателя и покачал головой:

– Надо дело до конца довести, зря я, что ли, в такую рань вознесся? Издалека сперва изучим, а там как пойдет. Тем более нас двое, отмашемся, если что, и ноги в руки.

– Ужасный план, гаже не придумаешь, – простонал Павел Олегович.

Так, препираясь и споря, они дошли до места, где все и началось.

Аксенов увидел свою припаркованную машину и синий строительный забор.

– Вот и оно, – непонятно высказался он.

Они крадучись прошли мимо. Земля под ногами предательски захрустела. Никаких подозрительных следов или знаков обнаружить не удалось.

– Ладно, – прошептал Федоренко, – я тогда первый зайду, если открыто. Скажу, что номером дома ошибся, придумаю, короче.

Бледным трясущимся изваянием Аксенов остался стоять у машины, теребя в руках ключи от нее, готовый в любой момент кинуть новоиспеченного товарища, запрыгнуть внутрь,

дать по газам и скрыться. В отличие от Жени, он знал, что бежало за ним ночью, и это были отнюдь не рассерженные задержками зарплат строители. Открытая калитка и неизвестность манили. Зашедший внутрь Федоренко так и пропал с концами, и эта гнетущая тишина была намного хуже криков и воплей. От внезапно выглянувшей ухмыляющейся рожи Аксенов вздрогнул и чуть не заорал. Чуть рисуясь, старшеклассник вышел на дорогу и сообщил:

– Все нормально. Никого нет. Здорово вы там раскопали все, конечно. В халупу вашу я зашел, никого нет, телевизор только работает.

Это уже было хоть что-то. Павел Олегович, не осознавая, как комично выглядит на полусогнутых ногах и с прижатыми к животу руками, наконец переборол себя и подошел к Федоренко. Изогнувшись, как только возможно, он настороженно заглянул на участок. Ничего не изменилось. Сосны, ели, кусты малины за бытовкой и огромный котлован в центре участка с кучей земли рядом. Все как и было пару дней назад. Зайти в жилище строителей Аксенова не заставила бы никакая сила, поэтому он поверил на слово Жене. Бесцельно побродив по участку, заглянув в туалет, они снова вернулись к яме.

– Надо проверить, что внутри, – хотя ужас практически парализовал бизнесмена, он понял, что просто свихнется, если сейчас же не найдет ответа на мучающие его вопросы.

– Где? – непонимающе покрутил головой школьник.

– Там, – короткий толстый палец Аксенова указал на дверь, ведущую в откопанный подвал.

– Ни фиги себе, я и не заметил сперва. Вот это тема, – Федоренко легко спрыгнул вниз и сразу же направился ко входу.

Павел Олегович подождал, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, убедился, что никто не пытается выскочить из укрытия и съест любопытного школьника, несколько раз обернулся и только потом последовал за ним.

– Ну что стоишь, Паш? Ты ж тут главный, ты и отпирай, – похоже было, что уверенность покинула даже оптимистически настроенного Федоренко, который так и буравил черными глазами мастерски выточенное изображение смерти с косой в руках.

Тот не ответил, сел на корточки, немного подумал, вздохнул и схватился за ручки. Но ничего не произошло. Тогда Аксенов дернул сильнее, ошибочно полагая, что приложил недостаточно сил. Не тут-то было. Федоренко, в прострации наблюдавший за действиями строителя, не выдержав, скинул с плеча рюкзак прямо в грязь.

– Ты мало каши жрал, надо было у Нины Павловны не только печенье трескать, – азартно потирая руки, отодвинул того в сторону Женя. – Дай мне.

– Не стоит этого делать, – внушительно донеслось сзади.

Федоренко моментально обернулся, приняв защитную боксерскую стойку. Павел Олегович же, препротивнейше заорав, высоко задирая колени, понесся прочь от потенциальной угрозы. На самом краю карьера стоял человек. Сначала Аксенов подумал, что вернулся хозяин строящегося коттеджа, но понял, что был не прав. Навскидку незнакомцу было немногим больше тридцати лет. Черные волосы были обильно сдобрены гелем и зачесаны назад, в то время как коротко стриженные виски переходили в недельную щетину. Глаза были скрыты под солнцезащитными очками, так обожаемыми хипстерами «Вайфарерами». Серый строгий костюм в полосочку, элегантное пальто нараспашку. Он ослепительно улыбнулся и поправил волосы, ненавязчиво блеснув золотыми часами на запястье.

– Вы кто? – ошалело уставился на него Федоренко, пока Аксенов просто открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыба.

– Я юрист, представляю интересы Бурдинского Валентина Валерьевича. Приехал с внезапной проверкой, – сообщил шеголеватый франт, брезгливо стряхивая грязь с туфли.

– Это кто? – Женю словно заело на этом вопросе, больше он не мог ничего из себя выдавить.

– Павел Олегович наверняка в курсе. Да, милейший?

Аксенов вздрогнул, словно проснулся, затравленно посмотрел на модника и кивнул:

– Да, знаю...

– Так просветите своего молодого друга, – искренно засмеялся тот, откинув голову.

– Это хозяин участка, наш заказчик, – негромко пояснил Аксенов школьнику.

– Вы знаете, в связи с вашей находкой дальнейшие работы придется приостановить, – извиняющимся тоном сообщил юрист.

– То есть как это? – мигом насторожился Павел Олегович, делая несколько шагов по направлению к собеседнику.

– Очень просто. Кто же знал, что тут окажется постройка двенадцатого века. Памятник старины. Он произведет настоящий фурор, взрыв в науке. Разумеется, Валентин Валерьевич изъявил желание познакомить общественность с подобной находкой лично, без посредников. Безусловно, он возместит вам ваши убытки.

– Откуда он узнал? – Аксенов словно сдулся, из него будто выкачали все эмоции, чувства, ему стало вдруг абсолютно все равно, что будет дальше.

– Вчера с нами связался участковый этого поселка, сказал, что на него вышел некто Раду. Знаете такого?

– Вот сука, – смачно плюнул себе под ноги горе-бизнесмен.

– Я бы воздержался от оценочных комментариев, но ваше право, – снова мелодично засмеялся поверенный Рудинского. – К тому же за информацию нам пришлось заплатить вашему сообразительному работнику. К счастью, сумма оказалась значительно меньше той, которой пришлось бы затыкать рот вам.

– Судя по всему, возмездие все же их настигло, – мрачный, как туча, Аксенов подошел еще ближе, поравнявшись с Федоренко.

Старшеклассник же стоял, разинув рот, и молча заворуженно следил за диалогом, вертя головой, как на теннисном турнире.

– О чем вы? – вежливо спросил юрист, наклонив голову чуть вбок.

– Вчера, когда я пришел, работнички меня чуть с потрохами не сожрали, видимо, поняли, что если бы не предали своего нанимателя, могли бы во сто крат больше поднять бабла, – горько констатировал строитель. – Я только Толика видел, подрались они, видать. А этого ублюдка не было, только когда за мной понесся этот дебил, он подключился. Все по кустам шорохался, падаль.

– Вы правы, Павел, – пижон кивнул головой, – я приехал сегодня очень рано и застал их в совершенно невменяемом состоянии, со следами сильнейших побоев. Сильно подозреваю, что в деле замешаны наркотики или выпивка. Может быть, и то, и другое. Пришлось сдать их наряду полиции и написать заявление.

– Что с ними будет? – злорадно поинтересовался Аксенов.

– Пока что пятнадцать суток ареста, если не заберем заявление, то можем раскрутить дело. Они же тут находились нелегально, можем их закрыть надолго, воровство и взлом пришьем, – обрисовал перспективы адвокат миллионера.

– Уж вы постарайтесь, хоть так им отплачу. Я вчера перепугался, думал, они крышей поехали или в мутантов каких обратились. Вас как зовут-то? – засуетился Павел Олегович.

– Вальдемар. Но можете звать меня Владимир, так привычнее для вас будет. Никаких мутантов и опасных сумасшедших, мы же взрослые люди. Просто двое малообразованных людей получили большие деньги и тут же вполне предсказуемо начали их транжирить, празднуя свою победу, – представитель собственника земли одернул пальто и застегнул его на несколько пуговиц. – История стара как мир, правда?

– Так вы их тоже видели? – впервые за весь разговор подал голос Женя. – А то меня Паша запугал, будто это какие-то чудовища, а не люди.

– А разве наркоманов можно назвать полноценными людьми? – широко улыбнулся Владимир. – Конечно, нет.

– Ладно, все ясно, – Федоренко схватил рюкзак, отряхнул его и выбрался наверх, встав рядом с адвокатом, – пошли, Паш. У меня времени нет практически. Подкинешь?

Аксенов не смог так ловко форсировать препятствие, как его товарищ, чуть не упал на спину и испачкал ладони, когда попытался так же споро заскочить наверх.

– Давайте я вам помогу, – услужливо согнулся Вальдемар, протягивая руку в яму.

Женя тоже не остался в стороне, и вдвоем они легко вытянули предпринимателя к себе. Рука юриста, цепкая, сильная, была сделана словно из льда, такой пронзительно холодной показалась она Аксену, особенно в сравнении с Жениной.

– Ну что ж, Павел. Свяжемся на днях, мы покроем все ваши затраты и не забудем о щедром вознаграждении за молчание. Сможете поделиться с подрастающим поколением, – он шутливо похлопал по плечу Федоренко. – А сейчас прошу меня извинить, дела. Столько звонков надо сделать, что голова плавится.

– Ладно, – Женя, поняв, что может получить деньги ни за что, весьма приободрился, – пошли, Паша.

Владимир сердечно пожал им руки. Достав из кармана бренчащий телефон, он шутливо закатил глаза, как бы демонстрируя свою усталость. Федоренко, увидев, что юрист занят разговором, достал свой мобильный и, быстро приобняв Павла Олеговича за шею, прошептал:

– Давай быстро селфачок запилим на фоне раскопок и озабоченного Вальдемара.

Телефон стоял на беззвучном режиме, поэтому характерного щелчка камеры не прозвучало и адвокат ничего не заметил.

– Наверняка заставил бы удалить из-за секретности, а так у нас будут эксклюзивные кадры, потом продать сможем, – садясь в машину, поделился с Аксеновым своими мыслями предприимчивый подросток.

«Лачетти» остановилась у школы. Только сейчас Аксенов понял, что загадочный юрист Рудинского словно загипнотизировал их.

– Ничего не понимаю, – честно признался Павел Олегович, – голову заморочил. Тебе еще ладно, но я-то чего ушами хлопал. Он же юрист сам, а такой лапши навешал.

– Что не так? – Женя копался в телефоне, что-то внимательно изучая, в пол-уха слушая причитания своего нового друга.

– Да как так-то? Вознаграждения, молчание. У нас договор подряда, деловые отношения... Опять же, на участке бытовка мною арендованная, вещи этих мудаков остались, мои инструменты. Как это все понимать? У людей, которых они вызовут, вопросов не возникнет совсем?

– Он же сказал, бабки. Они решают все, как и всегда. Тебя подмажут, этого задобрят, третьему занести не забудут. И все в шоколаде, – Женя говорил с таким знанием дела, словно каждый день занимался подобными делами. Аксенов волей-неволей заслушался разглагольствованиями старшекласника. – Ты мне на другой вопрос ответь, братан.

– Ну? – Аксенов погрузился в тягостные размышления и не сразу понял вопроса Федоренко.

– Куда с фотографии делся Вальдемар этот?

– Как это? – вытаращил глаза Аксенов.

– Смотри, – Женя пододвинул свой смартфон поближе к товарищу, – помнишь, я нас сфоткал на фоне этого склепа и адвоката?

– Конечно, помню, – Павел Олегович видел свою мрачную физиономию с мешками под глазами, сияющее широкое лицо Жени, яму со входом в подземелье.

Но там, где стоял Владимир и разговаривал по телефону, повернувшись к ним спиной, никого не было...

* * *

Бурдинский Валентин Валерьевич вытянул ноги и блаженно закрыл глаза. Даже комфортнейший салон бизнес-класса уже не мог заменить ему кровать и полноценный, восьмичасовой сон. Раньше, на заре своей карьеры, он мог сутками напролет пахать, как вол, литрами поглощая кофе. Ближе к сорока, когда дело пошло в гору, он понял, что нет смысла работать так, чтобы, разбогатев, тратить все свои деньги на лечение, поэтому поменял стиль жизни. Независимо от своего графика, сколько бы важных дел ни накопилось, он неизменно ложился в половине одиннадцатого вечера, а вставал в семь утра. Исключив из своего рациона кофе и сигареты, активно занимаясь спортом, он сделал правильную ставку и теперь, в пятидесятилетнем возрасте, выгодно отличался от своих друзей и коллег, жующих горстями таблетки от всего подряд. Но даже для него ночной перелет теперь был своего рода испытанием. Поэтому сейчас он чувствовал слабость, а глаза сами собой закрывались. Но проблем он в этом не видел, ведь на заднем сиденье «мерседеса» S-класса было так удобно, а водитель Саша вел так аккуратно... Валентину Валерьевичу показалось, что он только закрыл глаза, как они тут же приехали.

– С вами сходить? – открыв дверь, с готовностью поинтересовался Саша.

– Нет, развернись пока. Мы ненадолго, – кряхтя, сообщил преуспевающий делец, вылезая из машины.

Валентин Валерьевич, еще в молодости поняв скоротечность всего сущего, начал ценить время как самый свой главный актив. Именно поэтому, оказавшись в Пулково в восемь, он решил, несмотря на разбитое состояние, провести день максимально продуктивно. Попав на участок, Валентин Валерьевич в немом шоке застыл, пораженный открывшимся видом. Он был готов к тому, что, при самых оптимистических прогнозах, не увидит готового дома. Подрядчик, ушлый маленький белобрысый мужичок, не понравился ему сразу, слишком разные у них были темпераменты. Но в привычку Бурдинского уже давно вошло правило выстраивать деловые отношения, не опираясь на личные симпатии. Так что, как его ни бесили бегающие глазки Аксенова, он, собрав волю в кулак, решил продолжить деловое общение. Вот почему Валентин Валерьевич все никак не мог определиться, что в нем преобладает сейчас – удивление или ярость. За все то время, что он уже выделил «ЭлитЛесСтрою», строители успели только выкорчевать несколько деревьев, поставить себе будку для проживания и разрыть невнятный кратер огромных размеров.

– Тут что, под торговый центр фундамент закладывают? – зло процедил он и уже достал мобильный телефон, чтобы связаться с Аксеновым, как вдруг заметил рабочего в ярком оранжевом комбинезоне, копающегося внизу. «ЭлитЛесСтрой» – гласила надпись на куртке.

– Уважаемый! Эй, уважаемый! – напрягая голосовые связки, повысил голос Бурдинский.

Работяга обернулся. Это был молодой блондин с воистину модельной внешностью. Он шмыгнул носом и приветливо помахал рукой:

– Здравствуйте!

«Ну хоть не гастарбайтеры у них работают, уже что-то», – подумал про себя Валентин Валерьевич, а вслух спросил:

– Вы кто? Где начальство?

– Я старший по смене, Вова, – представился тот, опираясь на лопату. – А вы, стало быть, Валентин Валерьевич?

– Откуда вы знаете? – поразился Бурдинский, разевая рот от удивления.

– Так Пашка говорит, что вас ждать сегодня. Кто ж еще зайти мог, – засмеялся строитель. – Попросил вам тут все показать и рассказать.

– Почему ни хрена не сделано? – вспомнил миллионер о цели своего визита. – Вы совсем обалдели? Я, конечно, подозревал, что все будет через задницу, как у нас в стране и везде, собственно, но чтоб так. Аксенова вызывай, будем с ним говорить.

– Он уже едет, будет через минут пятнадцать. А пока что я хотел бы вам кое-что показать, но для этого может понадобится помощь вашего водителя.

– Ты следил? – недобро сощурился заказчик. – Может, я один приехал. На электричке.

– Ага, а я Билл Клинтон, – хмыкнул Вова. – Я слышал, машина проезжала. Да и вы солидный, уважаемый человек, естественно, не сами баранку крутите.

Грубая лесть подействовала. Важно надув губы, Бурдинский долго возился с телефоном, пытаясь найти номер своего водителя:

– Саша, подойди сюда, ты мне нужен.

Когда появился коротко стриженный раскаченный парень в деловом костюме, Вова махнул рукой:

– Спускайтесь сюда! Только аккуратнее. Вот там съезд для трактора, идите там. Безопаснее всего. Не торопитесь только.

Исполнительный Саша бережливо взял под руку своего босса, когда тот споткнулся, чуть не рухнув в грязь. Бурдинский хотел отдернуть руку, вроде не маленький и не дряхлый старик, в помощи не нуждается, но вспомнил тот подобострастно-восхищенный взгляд, которым на него смотрел рабочий Аксенова, и решил поиграть на публику.

– Это что еще за дела? – увидев дверь в подвал, изумленно выпучил глаза миллионер.

– Это та причина, по которой работа и застопорилась, – заложив руки за спину и покачиваясь на носках, бодро отрапортовал рабочий Вова. – Здесь оказалось древнее захоронение славянской знати. Величайшая находка за всю историю России. Павел Олегович терпеливо ждал вас, чтобы получить дальнейшие инструкции. Не хотел действовать за вашей спиной.

– Э-э-э-э, да. Вот как. Так это. Как-то... Да... – все, что смог выдавить из себя Валентин Валерьевич.

– Так как вы собственник этой земли, мы не могли действовать без дальнейших указаний непосредственно от вас. Не хотели беспокоить лишний раз, мы тут все охраняли и следили, вы же в отъезде были, верно? – вежливо продолжил вещать Вова.

– Да, да, в Женеве, – не преминул хвастнуть Бурдинский.

– Вот видите. А мы бы вам стали туда названивать. Подождали – и ничего, раскопали получше. Мы дверь, правда, открывали уже и вниз зашли, что греха таить. На всякий случай проверяли, не опасно ли. Но ничего не смотрели. Думали, что вы первый должны познакомиться с содержимым на правах собственника. Вряд ли такой шанс часто предоставляется живущим ныне людям...

– Вы не похожи на простого рабочего, – окончательно разомлел Валентин Валерьевич, – ваша речь, манеры... Так не бывает. Где Аксенов вас откопал?

– Благодарю за теплые слова, – изящно поклонился строитель, – но не все мои коллеги неотесанные пьяницы. Просто иногда жизненные пути вынуждают нас пойти на крайние меры. Но во всем нужно видеть плюсы. Если бы я не устроился в «ЭлитЛесСтрой», то не смог бы лицезреть подобного.

– Что это вообще такое? – наконец-то Бурдинский обвел взглядом раскопки. – С чего вы взяли, что это захоронение? Тем более знати? Может, тут крестьян закапывали пачками.

Резко дохнуло холодом. Лицо добродушного Вовы помрачнело, он заиграл желваками, но ничего не сказал. Все это осталось незамеченным, Валентин Валерьевич уже всю изучал резьбу на двери, трогая пальцем изображение.

– Ну что же, разрешите, я вас потесню, – рабочий деликатно отодвинул крайне заинтригованного Бурдинского в сторону и схватился за кольца в двери, распахивая ее настежь, – милости просим. Аккуратнее, тут ступеньки. Спускайтесь, я сейчас свет туда подам!

Валентин Вальерьевич со своим верным водителем неуверенно замерли на пороге. Было ясное солнечное октябрьское утро, но свет попадал лишь на верхние ступеньки, все остальное скрывала темнота. Неуверенность и страх закопошились в душе далеко неглупого Бурдинского. Что-то было не так. Казалось, кто-то внизу застыл, стараясь ничем не выдать своего присутствия в кромешной темноте, и ждет, когда они совершат необдуманный поступок. Хозяин участка передумал. Он хотел обернуться, чтобы сообщить о своем решении рабочему, но не понял, что произошло. Саша, потеряв сознание от сильнейшего удара в затылок, беззвучно полетел вниз, отбивая голову о ступени. Бурдинский инстинктивно успел вскинуть руки, но не уберется от тычка ногой в пах. Согнувшись, он был тут же нокаутирован в подбородок хлестким апперкотом Вовы. Он взлетел вверх, потом рухнул на спину и отправился следом за своим водителем, отбивая все части тела в немыслимом падении. Закашлявшись, он долго извивался на ледяном полу в грязи и пыли, суча ногами и стараясь прийти в себя от боли – похоже, было сломано запястье и нога. Рядом без движения лежало крупное тело Саши.

Бурдинский поднял исцарапанное и изувеченное лицо наверх. Там, в ярком солнечном свете стоял Вова:

– Ну что же, так-то лучше. Признаться, общение с вами весьма мне наскучило. Пока есть время, познакомьтесь с моими новыми друзьями, Анатолием и Раду!

В темноте, в самом дальнем углу, за каким-то непонятным прямоугольным предметом в центре что-то заворчалось.

– Ребята, просыпайтесь! Обеденный перерыв, приятного аппетита! Не чавкайте громко, это неприлично!

На этих словах дверь закрылась, погружая склеп в кромешную темноту. Валентин Вальерьевич слышал только свое хриплое дыхание.

– Саш, Саш! Ты как? Вставай давай. Надо быстро наверх подняться.

Водитель не ответил. Тогда Бурдинский, застонав от невыносимой боли, дотянулся до кармана и достал мобильный телефон. Включив фонарик, он в последний момент увидел, как тело Саши медленно-медленно скрывается за непонятным монолитом, похожим на огромный гроб. Кровавый след, идущий по полу, словно показывал направление движения тела. Бурдинский не решался осветить фонарем в угол. Он был не готов к правде. К тому же оттуда доносились весьма неприятные, странные звуки. Слово большой котяра пробрался в подвал, наглотался пыли и теперь его всю рвало там.

– Ладно, хрен с тобой, хочешь там бултыхаться, милости просим, – прохрипел он, направляясь в сторону лестницы, – а я, пожалуй, пойду.

Вдруг стало так тоскливо, он понял, что ему, Бурдинскому Валентину Валерьевичу, жить осталось считанные секунды. Разбитые коленки остро реагировали на каждую ступень, одна рука висела плетью, правая нога была скорее всего сломана или вывихнута, подниматься по лестнице было занятием не из простых. Наконец воротила бизнеса кое-как дополз до последней ступеньки. Их словно замуровали – под дверью не было даже намека на свет, будто все щели старательно замазали цементом. Окровавленная ладонь Бурдинского что было сил ударила по двери, безрезультатно.

– Слышишь ты, – до сих пор он хранил молчание, боялся нарушить равновесие, но отчаяние перевесило здравый смысл, – открой! Открой – или последствия будут...

Он не договорил, что-то холодное, склизкое и мерзкое схватило его за ногу. Конечность словно зажал в тисках.

– Какого? – он успел только испугаться, как воистину нечеловеческая сила дернула его вниз, к Саше. Он снова пролетел всю лестницу и приложился затылком о каменный пол.

«Хорошо бы сейчас отключиться, чтоб не мучиться», – подумалось ему, и сознание почти сделало ему такой царский подарок.

Расфокусированным, плывущим взглядом он увидел яркое пятно света наверху. Оно появилось лишь на миг, снова уступив место холодной тьме. Вдруг прямо у его уха раздался чарующий голос работника Вовы:

– А вообще, ты можешь мне пригодиться, друг. В тебе есть что-то особенное, я бы даже сказал, стержень. Ну, выбирай – смертник-мученик или вечный слуга Вальдемара?

– Второе, – еле слышно пробормотал Валентин Валерьевич. Рот наполнился солоноватой кровью. Корчась от невыносимых страданий, он перевернулся на живот и выплюнул на ледяной пол сразу три зуба.

– Я так и знал, – раздался довольный хохот Вовы, усиленный во сто крат гулками сводами подземной гробницы.

* * *

И без того серое небо затянуло черными тучами. Полил крупный, тяжелый дождь. Во дворе заброшенной деревушки хоронили Никиту. Ерш настоял на том, чтобы отрубленную голову положили в ноги:

– Таков древний обычай. Чтобы упырь не восстал и по наши души не явился, таким макарон надо укушенного в последний путь отправлять. Для упырей он теперича неинтересен станет. Не кручинься, добрый молодец, твой побратим нам спасибо должен сказать, что спасли его от участи страшной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.